

Министерство Образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«ПОЛОЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

УДК 347
№ ГР 20160653
Инв. № _____

УТВЕРЖДАЮ

Проректор по научной работе,
канд., техн. наук

_____ Д.О.Глухов

“ _____ ” _____ 201_ г.

ОТЧЕТ

О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ

«Правовое регулирование энергоснабжения и энергосбережения в
Республике Беларусь и в рамках Евразийского экономического союза
(ЕАЭС)» в рамках задания « Правовые основы формирования общего рынка
товаров, услуг и обеспечения энергетической безопасности в рамках
Евразийского экономического союза»

(заключительный отчет)

ГБ – 2316

Научный руководитель

В.А.Богоненко

подпись, дата

Начальник ОСНИ

Т.В.Гончарова

подпись, дата

Новополоцк 2018

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Ответственный исполнитель, ведущий научный сотрудник		_____	В.А.Богоненко (введение, реферат, заклучение, подразделы 1.1, 1.2, 1.3, 2.2, 2.3, 3.2)
Старший сотрудник	научный	_____	Н.А.Бесецкая (подраздел 3.3)
Старший сотрудник	научный	_____	В.П.Шарикова (подраздел 2.1)
Старший сотрудник	научный	_____	Е.Н.Ярмоц (подраздел 3.1)
Младший сотрудник	научный	_____	А.И.Малиновская (подраздел 3.4)
Оператор ЭВМ		_____	Т.Н.Шавель (сбор материала, оформление отчета)
Нормоконтролер		_____	Л.В.Ищенко
		подпись, дата	

РЕФЕРАТ

Отчет содержит 115 с., 101 источник.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ, ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЕ, НЕФТЬ, ПРИРОДНЫЙ ГАЗ, АТОМНАЯ ЭНЕРГИЯ, НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ, ИНТЕГРИРОВАНИЕ В ЭНЕРГЕТИКЕ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА, ЗАИМСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО ОПЫТА, ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ, ЯДЕРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, РАДИАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ, СТРУКТУРИРОВАНИЕ НОРМ ПРАВА

Объект исследования: правоотношения в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов, в том числе правоотношения, осложненные иностранным элементом и правоотношения по использованию атомной энергии; правоотношения по доставке нефти, нефтепродуктов и газа магистральными трубопроводами; правоотношения в сфере энергетики, реализуемые в региональных экономических сообществах; международные энергетические организации; национальное законодательство и международные соглашения в сфере энергетики.

Цель работы: разработка теоретико-правовых оснований классификации и характеристика правоотношений реализуемых в сфере энергетики. Разработка теоретико-правовых основ структурирования норм права, направленных на регулирование отношений в сфере энергетики, доктринальной классификации международных соглашений в области производства, передачи и потребления энергетических ресурсов, а также доктринальной классификации международных энергетических организаций.

Методы исследования: общенаучные (анализ, синтез, абстрагирование, дедукция, индукция и др.) и частнонаучные (сравнительного правоведения, формально-логический).

Результатом научно-исследовательской работы стали теоретические разработки в сфере энергетического права, атомного права Республики Беларусь, практические рекомендации по совершенствованию гражданского законодательства, разработке международных соглашений в сфере энергетики.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
1.ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА.....	8
1.1 Правовая сущность и признаки международно-правовых отношений в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов.....	8
1.2 Внутригосударственные основы интеграционного взаимодействия в сфере энергетики в рамках Евразийского экономического союз.....	19
1.3 Основные начала (принципы) законодательства Республики Беларусь об энергетических ресурсах.....	32
2. НАДНАЦИОНАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ В ПРАВЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА.....	39
2.1 К вопросу о наднациональном элементе в юридической природе Евразийского экономического союза	39
2.2 Правовой механизм межотраслевого взаимодействия интеграционных процессов в сфере энергетики в рамках Евразийского экономического союза (прелиминарные положения).....	47
2.3 Принципы взаимодействия государств-членов Евразийского экономического союза в сфере энергетики (правовой аспект).....	54
3. ОТРАСЛЕВЫЕ ИНСТИТУТЫ В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУТОВ ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ И ИНТЕГРАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА.....	59
3.1 Правосудие ЕАЭС: состояние и перспективы.....	59
3.2 Техническое регулирование в сфере энергетики в рамках Евразийского экономического союза (прелиминарные положения).....	67
3.3 Кластерная политика ЕС и ЕАЭС на транснациональном уровне в сфере энергетики: сравнительно-правовой аспект	78
3.4 Юридическое лицо как субъект экологических отношений.....	91
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	100
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	102

ВВЕДЕНИЕ

Потребность в энергетических ресурсах возрастает по мере развития экономических отношений, развития промышленного и сельскохозяйственного секторов экономики. Наряду с экономическими и политическими средствами решения проблемы обеспеченности энергетическими ресурсами используются и правовые средства. Наличие эффективного национального законодательства, нормы которого направлены на регулирование отношений в сфере энергетики, международных соглашений с участием Республики Беларусь позволяет в значительной мере повысить качество правового регулирования отношений по производству, передаче и потреблению различных видов энергетических ресурсов.

В современном мире значительная доля поставок энергетических ресурсов выпадает на территории охватывающие государства, участвующие в региональных экономических сообществах, в том числе, в Евразийском экономическом сообществе и Европейском Союзе.

Опыт национального нормотворчества, а также межгосударственных соглашений указывают на процесс обособления норм права, направленных на регулирование отношений в сфере энергетики. На практику национального нормотворчества в сфере энергетики оказывают влияние процессы интеграционного взаимодействия в рамках экономических сообществ. Создание региональных экономических зон и сообществ, наднациональных структур и единых рынков и систем, энергетических, товаров, работ и услуг, финансовых и др. делает необходимым синхронизировать практику национального нормотворчества и международных отношений, определить основные направления и принципы гармонизации национальных законодательств об энергетике, сформулировать основные начала (принципы) национального законодательства и международных соглашений в сфере энергетики.

В значительной мере усиливается роль государства в регулировании отношений энергоснабжения и энергосбережения, отличающихся преобладанием публично-правовых начал. Возникает потребность в проведении комплексных научных исследований правоотношений реализуемых в сфере энергетики, в разработке теоретико-правовых основ энергетического права и его отдельных институтов и субинститутов.

Научно-исследовательские работы по заданию ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» «Правовые основы формирования общего рынка товаров, услуг и обеспечения энергетической безопасности в рамках Евразийского экономического союза» позволяют создать теоретико-правовую основу для проведения последующих научных исследований, повысить эффективность планирования и осуществления нормотворческой деятельности, а также правоприменительной практики. Результаты выполняемых исследований позволяют укрепить теоретическую основу структурирования норм международного права и дополнить современную доктрину международного экономического права, а также энергетического права новыми понятиями и категориями.

Результаты проведенного исследования позволяют включить в научную деятельность и учебный процесс новые отраслевые знания, разработать новые обучающие программы и курсы, интегрироваться в европейские научные программы в области энергетики, апробировать положения и выводы, содержащиеся в работе посредством их опубликования в научных изданиях и использования в нормотворческой деятельности.

1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

1.1. Правовая сущность и признаки международно-правовых отношений в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов

Ответ на вопрос о правовой сущности и признаках международно-правовых отношений в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов во многом строится на представлениях о правоотношениях в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов, которые сформировались в отечественной и зарубежной доктрине гражданского права. Кроме того, немаловажное значение в данном контексте имеет характеристика понятийного аппарата содержащегося в источниках зарубежного права, и прежде всего, в нормативных правовых актах.

Термин «энергоснабжение», который первоначально вошел во всеобщее употребление, как в доктрине, так и в законодательстве, произошел на основе положений, сформировавшихся в период советского гражданского права, многие институты которого основывались на тезисе о планово-распределительном механизме экономики. Смысловое значение термина «энергоснабжение» претерпевало изменения, мигрируя от своего первоначального или узкого смысла в сторону более широкого толкования. В первоначальном значении под энергоснабжением понималось обеспечение энергетическими ресурсами в сложной системе снабженческо-сбытовых организаций и отношений между ними [1, с.11], [2, с.3-4], [3, с.6-7], [4, с.66], [5, с.71], [6, с.8], [7, с.135]. Лингвистическая форма в данном случае не отображала всего внутреннего содержания или правовой природы правоотношений в сфере энергетики, поскольку термин «энергоснабжение» отображал лишь узкую часть всего спектра правоотношений, реализуемых в

энергетической сфере. Полное право на существование имели и другие термины, например, такие как «энергопотребление» и «энергосбережение». Тем не менее, после перехода от планово-распределительной экономики к рыночной, осуществления системных преобразований в экономике и формирования национальных правовых систем, термин «энергоснабжение» перешел в новую правовую реальность, современную юридическую литературу и гражданское законодательство.

В современном звучании и толковании термин «энергоснабжение» выступает уже не в узком, а в широком значении, обобщая и консолидируя всю гамму правоотношений в сфере энергетики.

Таким образом, в отечественной юридической литературе термин «энергоснабжение» следует воспринимать как термин условный, используемый во всех случаях, когда речь идет о правоотношениях, реализуемых в сфере энергетики. В действительности, все правоотношения в сфере энергетики дробятся на определенные виды, при этом, каждое правоотношение может быть поименовано в зависимости от специальных критериев, выполняющих роль маркеров.

Совсем иным образом формировались представления о правоотношениях по производству, перемещению и потреблению энергетических ресурсов в зарубежном праве. В зарубежной литературе данная тематика рассматривается, прежде всего, сквозь призму правовых категорий и понятий, свойственных как частному, так и публичному праву. Первоначально направление дискуссий развивалось в сторону выяснения правовой сущности энергии или электричества [8, с.13], а позднее стали рассматриваться и вопросы, связанные с перемещением нефти и газа от мест добычи до потребителя и вопросы права собственности [9, с.10-11], [10, 39-40], [11, с.35-36], [12, с.1-2]. В современной зарубежной юридической литературе популярной стала тематика, связанная с организацией энергетической отрасли или управления ею. Наиболее типичным примером подхода, когда правовая материя подменяется экономическими понятиями и

тематикой, относящейся более всего к менеджменту, логистике, относится работа «Energy Law and the Sustainable Company» (Abingdon, 2016 г.) [13].

В различных источниках частного права, в том числе, в законах или иных, актах, регулирующих отношения в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов в зарубежных странах, основными терминами, идентифицирующими эти отношения остаются такие термины, как «энергетическое хозяйство», «энергетика», «электричество», «нефть», «газ», «нефтепроводы», «газопроводы», «ядерная энергия», «ядерный реактор», «энергетическая комиссия» и др. Среди прочих терминов мы не находим терминов, аналогичных терминам, известным отечественному праву, например, таких, как «снабжение» или «энергоснабжение». Например, в английском Законе О трубопроводах (Pipe-lines Act, 1962), который является основным действующим актом Великобритании в сфере трубопроводного транспорта, содержатся исключительно положения, относящиеся к проектированию и строительству трубопроводов, предоставлению земельных участков под строительство трубопроводов, аварийным работам, защите от загрязнения грунтовых вод и др., но нет норм, которые регулируют отношения гражданско-правового характера по поводу доставки нефти или газа [14]. Подобный подход характерен не только для европейских стран, но и других стран мира. Достаточно показателен в этом отношении пример Канады, страны, имеющей большие традиции нормотворчества в сфере энергетики. Эта страна имеет развитую систему законодательства об энергетике, включающую в себя следующие законы: Закон О развитии энергетики, Закон О сохранении угля, Закон О сохранении газовых ресурсов, Закон О сохранении нефти и газа, Закон О сохранении нефтеносных песков, Закон О полезных ископаемых, Закон о трубопроводах. Помимо этих законов широко применяются своды практических правил, руководства по регулированию, министерские приказы и постановления. Однако все эти акты содержат положения, касающиеся проектирования, строительства, организации деятельности объектов

энергетики, лицензирования, защиты окружающей среды, администрирования в энергетике, сохранности энергетических ресурсов, отвода земель, испытания оборудования и др. Например, Закон О трубопроводах, наиболее объемный по своему содержанию, в основном состоит из технических норм и содержит лишь отдельные положения, касающиеся отвода земли под строительство, лицензирования, прав собственности или управления объектами трубопровода [15]. Основу законодательства о нефтегазовом секторе Нигерии составляют такие законы, как Закон О нефти (Petroleum Act 2004) и Закон о нефтепроводах (Oil Pipelines Act 2004). Кроме того, в этой стране есть нормативные правовые акты о природном газе и попутном газе. Правительство Нигерии участвует в интеграционных процессах в сфере энергетики, в том числе в проектах по доставке газа посредством газопровода в Западной Африке. Законодательство Нигерии о нефтегазовом секторе содержит в основном нормы о проектировании, строительстве и эксплуатации трубопроводов, о лицензировании в нефтегазовом секторе, о надзоре и землепользовании, о полномочиях Департамента нефтяных ресурсов и др. При этом в основных законах, посвященных нефтегазовой отрасли, нет норм гражданско-правового характера, которые бы регулировали отношения по поводу продажи или перемещения нефти или газа, а также отсутствуют понятия, по своему смысловому значению близкие к понятиям «энергоснабжение» или «снабжение». В законодательстве этой страны чаще всего используются такие термины как «нефть», «газ», «трубопроводы», «газопроводы», «нефтепроводы», «ресурсы» и кроме того, сугубо технические термины [16].

Вместе с тем, наличие в некоторых случаях в иностранном законодательстве схожих по смысловому значению терминов, относящихся к институту производства, передачи и потребления энергетических ресурсов, не обнаруживает связи со смысловым значением ключевого для российского или белорусского законодательства об энергетике термина «энергоснабжение», в том значении, какое первоначально придавалось этому

термину. Так, уже само название закона ФРГ О снабжении электричеством и газом (Gesetz über die Elektrizitäts- und Gasversorgung (Energiewirtschaftsgesetz – EnWG) содержит термин Versorgung (снабжение, обеспечение, обслуживание), указывающий на отношения, близкие частноправовым или гражданско-правовым, если иметь ввиду действия по передаче энергетических ресурсов от одного лица другому [17].

Правовое регулирование энергетического сектора в странах Европейского союза в значительной мере подвержено воздействию директив ЕС, относящихся к энергетической сфере, содержание которых оказывает влияние на внутригосударственное законодательство. В частности, к числу таких директив можно отнести Директиву 2010/30/EU от 19 мая 2010 г. об указании на этикетке и в общей информации о продукте характеристик потребления энергии и прочих ресурсов энергозависимыми продуктами и Директиву 2010/31/EU от 19 мая 2010 г. об энергопотреблении зданий [18, с.2]. Директивное воздействие на национальное законодательство стран ЕС в сфере энергетики, не является единственным механизмом, влияющим на правовые конструкции. Кроме того, задействованы еще административно-командные, экономические и так называемые добровольные инструменты. Будучи важнейшей и составной частью экономических отношений ЕС, отношения, реализуемые в сфере энергетики, вовлечены в общее проблемное поле правового регулирования. Развитие международных экономических отношений и прежде всего отношений на Европейском континенте, безусловно, требует создания на перспективу общего права, хотя бы в рамках существующих сегодня интеграционных образований (Евросоюз, СНГ, Союзное государство Беларуси и России и т.д.). Отсюда очевидны тенденции к возникновению и стремительному развитию международно-правового в классическом понимании этого термина (т.е. транснационального, наднационального) регулирования частноправовых экономических отношений [19, с. 21-22].

В своей основе правовая сущность и признаки международно-правовых отношений в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов определяются на базе основополагающих положений международного права, а также правовой доктрины, прежде всего в тех ее разделах, которые могут быть отнесены к гражданскому праву и международному частному праву.

Одним из важнейших правовых оснований, с точки зрения перспектив возникновения международно-правовых отношений в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов, является обладание статусом субъекта международного права. Наличие данного качества, формализующего субъектный состав рассматриваемых правоотношений, является необходимым, но не единственным в ряду других идентификаторов данных правоотношений. К числу важнейших субъектов международного права относится государство. Европейский союз, представляя собой единое экономическое пространство и правовое пространство относительно перемещаемых товаров, работ или услуг, тем не менее, составляется из самостоятельных субъектов международного права, коими выступают независимые, суверенные государства. После распада СССР на его территории появились самостоятельные субъекты международного права – носители международных прав и обязанностей, возникающих в соответствии с общепризнанными нормами международного права. Одним из важнейших элементов характеризующих государство является его территория. С точки зрения потребностей института добычи, а также перемещения нефти и газа по магистральным трубопроводам или передачи электроэнергии очерченная рамками государственной границы территория позволяет отнести ту или иную страну к странам, экспортирующим энергоресурсы и странам, по территории которых осуществляется транзит энергоресурсов. Вместе с тем, страна, экспортирующая энергетические ресурсы может выступать и в качестве страны, по территории которой осуществляется их транзит. Такой страной, например, может быть Россия в тех случаях, когда природный газ из

экспортирующей страны (Туркменистан) через территорию России перемещается в другие страны, например в Украину.

Идентификация международно-правовых отношений в сфере энергетики не ограничивается только лишь участием в них государства, обладающего статусом субъекта международного права. На содержание интеграционных процессов в сфере перемещения нефти и газа магистральными трубопроводами оказывает влияние и территориально-организационная структура государства. Такое влияние особенно сказывается в тех странах, которые являются экспортерами энергетических ресурсов. Так, Россия – федеративное государство в состав которого входит значительное число субъектов. Это обстоятельство оказывает влияние на решение многих вопросов, связанных с добычей, перемещением и потреблением нефти и газа, передачей электроэнергии по присоединенным сетям, поскольку затрагиваются вопросы бюджетного процесса, уплаты налогов и перераспределения доходов, планирования территорий и их социально-экономического развития [20].

В отдельных случаях наличие статуса субъекта международного права в сочетании с определенными факторами, которые могут позиционироваться в качестве отягчающих способны как затруднить интеграцию в сфере производства, перемещения и потребления энергетических ресурсов, так и привести к необходимости такой интеграции. К числу таких факторов могут быть отнесены географическое расположение мест залегания полезных ископаемых, международно-правовой статус территорий, условия проведения работ по их разведке и добычи недр и др. Так, проблемы, связанные с освоением полезных ископаемых и их дальнейшим перемещением к местам потребления хорошо известны странам Каспийского региона. В 1996 году на конференции в Ашхабаде Россия предложила компромисс, поддержанный четырьмя из пяти прикаспийских государств, который предполагал, чтобы каждое государство самостоятельно

распоряжалось 45-мильной прибрежной зоной, а вся остальная акватория рассматривалась как объект совместного пользования. [21, с. 68].

Одним из наиболее характерных и обязательных признаков международно-правовых отношений в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов является наличие унифицированных нормативных технических норм и правил, а также технологических процессов. В большинстве случаев интеграционное взаимодействие в сфере энергетики невозможно без использования единых нормативных технических норм и правил. Такая потребность, как правило, связана с необходимостью совместной эксплуатации технологически единых энергетических систем и свойственна многим энергетическим отраслям, в том числе угольной, нефтегазовой, электроэнергетической. Содержание технологических процессов регламентируемых техническими нормами и правилами часто формируются под воздействием международных соглашений. Заключение 8 декабря 1999 г. между Республикой Беларусь и Российской Федерацией Договора о создании Союзного государства позволило подвести правовую основу под объективно сложившийся процесс унификации технологических операций, осуществляемых в системе магистральных газопроводов Республики Беларусь и Российской Федерации, так как к предмету ведения Союзного государства было отнесено и формирование общего технологического пространства, создание единой системы стандартов и эталонов. Так, например, в качестве международных стандартов использовался ГОСТ 8.563.2-97 «Государственная система единства измерений. Измерение расхода и количества жидкостей и газов методом переменного перепада давления. Диафрагмы, сопла ИСА 1932 и трубы Вентури, установленные в заполненных трубопроводах круглого сечения. Технические условия», ГОСТ 5942-87 «Газы горючие природные для промышленного и коммунально-бытового назначения. Технические условия» и др. [22, с.84]. В целях унификации порядка классификации, проектирования, постройки и эксплуатации судов внутреннего и смешанного

(река-море) плавания в Республике Беларусь с международными стандартами других государств, в том числе правил потребления энергетических ресурсов, приказом Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 03.02.2010 г. № 68-Ц были утверждены и введены в действие с 1 апреля 2010 г. в качестве технического кодекса установившейся практики Правила Российского Речного Регистра издания 2008 года (в 4 томах), разработанные федеральным государственным учреждением «Российский Речной Регистр» (Российская Федерация). В частности, Том 4. Российский Речной Регистр. Правила - Официальное издание, Москва 2008 год - 317 с. [Правила классификации и постройки судов внутреннего плавания (ПСВП). Дополнение 1 «Временные правила классификации и постройки экранопланов». Дополнение 2 «Временные технические требования к судам-газоходам, используемым компримируемый природный газ». Этим же приказом были утверждены особенности применения Правил Российского Речного Регистра в качестве технического кодекса установившейся практики в Республике Беларусь [23]. Интеграционное взаимодействие в сфере энергетики, осуществляемое в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) обеспечивается многими правовыми институтами, позволяющими создать условия для эффективного функционирования энергетики стран, участвующих в ЕАЭС. Одним из таких институтов является институт технического регулирования, структурированный на уровне национальных законодательств и права ЕАЭС. Правовые основы технического регулирования ЕАЭС закреплены в Договоре об учреждении этого интеграционного объединения, иных актах ЕАЭС и включают в себя: Раздел X «Техническое регулирование» Договора о ЕАЭС; Приложение № 9 к Договору о ЕАЭС; Соглашение о единых принципах и правилах технического регулирования в Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации от 18 ноября 2010 г.; Положение о порядке разработки, принятия, внесения изменений и отмены технического регламента Таможенного союза [24, с.159].

Важным признаком международно-правовых отношений в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов является участие в них лиц, находящихся под юрисдикцией разных государств. Этот признак свойственен тем правоотношениям, участниками которых, являются субъекты хозяйствования или, по крайней мере, один из участников. В остальных случаях, среди участников выделяются международные организации. Международной функциональной правосубъектностью могут наделяться межгосударственные экономические и иные организации на основании их учредительных документов. В некоторых случаях это относится и к получившим широкое распространение в наше время разного рода торгово-экономическим объединениям [25, с. 418]. По кругу участников, межгосударственные международные организации, действующие в сфере энергетики могут быть подразделены на универсальные или открытые, когда к участию в них допускаются все страны, и региональные или закрытые, когда возможность участия в международной организации определяется с учетом местонахождения государства. Для энергетики более свойственны региональные международные организации, например такие, как EURATOM – Европейское сообщество по атомной энергии, международная организация членов Европейского союза (ЕС). Факторами, способствующими созданию региональных международных организаций, чаще всего служит: наличие общих экономических интересов; унификация норм национального законодательства обеспечивающего свободное обращение товаров, работ, услуг, денежных средств; создание транснациональных корпораций; географические особенности расположения природных ресурсов и др.

По содержанию и объему компетенции межгосударственные международные организации, действующие в сфере энергетики, относятся к организациям специальной компетенции. Деятельность таких организаций сосредоточена на решении узкоотраслевых задач, не выходящих за пределы энергетической отрасли. Вместе с тем, в составе межгосударственных

международных организаций общей компетенции могут создаваться специальные органы (комиссии, управления и др.), деятельность которых охватывает и узкоотраслевые сферы.

В доктрине международного права распространенным критерием классификации является деление по характеру полномочий. По данному критерию различают межгосударственные и надгосударственные (наднациональные) международные организации. Характерным примером межгосударственной международной организации служит ИАЕА, созданная в 1957 г. в качестве одной из автономных организаций ООН. Результаты деятельности надгосударственных международных организаций распространяются, как правило, на субъектов хозяйствования стран участвующих в такой международной организации, например, на операторов систем магистральных нефте- и газопроводов [26, с. 151].

Одним из важнейших признаков международно-правовых отношений в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов является перемещение товарной части энергетических ресурсов через государственную границу, равно как и оказание услуг по перемещению энергетических ресурсов по технологически единым системам. Наиболее ярким примером здесь служит деятельность магистральных трубопроводов, по которым осуществляется перемещение нефти, нефтепродуктов и газа через территорию различных стран или работа объединенных энергетических систем, когда по линиям электропередач осуществляется подача электроэнергии. Передача энергетических ресурсов по технологически единым системам – это признак, индивидуализирующий правоотношения в сфере передачи, перемещения и потребления энергетических ресурсов в общем ряду правоотношений осложненных иностранным элементом. Безусловно, что идентификацию правоотношений как правоотношений в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов не отменяет практика перемещения энергетических ресурсов по территории транзитного государства.

Таким образом, делая вывод о правовой сущности и признаках международно-правовых отношений в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов следует отметить, что правовая сущность или природа данных правоотношений носит сложный характер. С одной стороны, по своей юридической конструкции эти правоотношения в целом следуют правоотношениям, осложненным иностранным элементом. С другой стороны, международно-правовые отношения в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов обладают юридической индивидуальностью за счет высокой технологичности энергетической отрасли и ее отдельных сегментов. Сущностные характеристики рассматриваемых правоотношений формализуются в виде идентифицирующих их признаков, присущих этим правоотношениям.

1.2 Внутригосударственные основы интеграционного взаимодействия в сфере энергетики в рамках Евразийского экономического союза

Создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС), стало важным событием для стран, участвующих в этой международной организации. ЕАЭС прежде всего интересен тем, что направлен на обеспечение углубленной интеграции в различных отраслях экономики, а не только лишь в одной или нескольких из них. Интеграционный процесс затрагивает и другие области межгосударственного взаимодействия и, тем более, важнейшие внутригосударственные институты, а также национальное право. Договор, которым учрежден ЕАЭС, закрепляет такие важнейшие понятия, как "общий (единый) рынок" - совокупность экономических отношений в рамках Союза, при которых обеспечивается свобода перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы; "единое экономическое пространство" - пространство, состоящее из территорий государств-членов, на котором функционируют сходные (сопоставимые) и однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных или унифицированных правовых норм, и существует единая инфраструктура; "таможенный союз" - форма торгово-экономической интеграции государств-членов, предусматривающая единую таможенную территорию, в пределах которой во взаимной торговле не применяются таможенные пошлины (иные пошлины, налоги и сборы, имеющие эквивалентное действие), меры нетарифного регулирования, специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры, действуют Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза и единые меры регулирования внешней торговли товарами с третьей стороной и др.

Предполагается, что все важнейшие понятия, формализующие ЕАЭС, должны отображать саму сущность происходящих в интеграционном объединении процессов и их общность для всех участников. Вместе с тем,

большое влияние на правоотношения, связанные с интеграцией, оказывает национальный элемент, проявляющий себя посредством внутригосударственного законодательства стран, участвующих в ЕАЭС. Подобное влияние анонсирует проблему национального элемента в праве международных договоров, что само по себе важно с точки зрения перспектив развития института интеграционного взаимодействия в сфере экономики или отдельных ее отраслей, в частности, в энергетике.

Договор «О Евразийском экономическом союзе», который был подписан в г. Астане 29.05.2014 г. содержит специальный раздел, посвященный энергетике, что говорит о том значении, которое придается этой области интеграционного взаимодействия. Среди иных правоотношений, реализуемых в рамках ЕАЭС, правоотношения энергоснабжения и энергосбережения относятся к числу наиболее важных с точки зрения обеспечения экономических основ интеграции. Опыт межгосударственных отношений насчитывает много примеров сотрудничества в сфере энергетики, как в целом, так и применительно к ее отдельным сегментам. Наиболее известен процесс интегрирования в сфере энергетики в рамках Энергетической Хартии, которая со временем трансформировалась в сложное правовое явление, охватывающее национальные правовые системы и область международно-правовых отношений [27, с.155]. В Договоре «О Евразийском экономическом союзе» энергетика присутствует хотя и в качестве важнейшего, но, тем не менее, не единственного элемента сложной системы экономической интеграции нескольких государств. В этом Договоре содержится Раздел XX «Энергетика» состоящий из семи статей (ст.ст. 79-85). Важнейшее значение, с точки зрения необходимости понимания механизмов взаимодействия в сфере энергетики государств-членов ЕАЭС, имеет статья 79 Раздела XX. Данная статья содержит конститутивные положения, служащие правовой основой интеграции в сфере энергетики стран, заключивших Договор «О Евразийском экономическом союзе». Интеграция в сфере энергетики

развивается на основе норм и правил, разработанных органами ЕАЭС и в целом на основе права ЕАЭС.

Внутригосударственное законодательство об энергетике достигает области внешней политики, осуществляемой государствами, вовлеченными в процесс интеграции. Обстоятельства подобного рода воздействуют на характер процесса интеграции и могут привести к необходимости пересмотра международных соглашений, что особенно актуально для ЕАЭС, или к выработке дополнительных соглашений, обеспечивающих благоприятное развитие процесса интеграции. Например, такие обстоятельства привели к изменению правового статуса субъекта процесса Энергетической Хартии, если говорить о Российской Федерации. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2009 г. № 1055-р принято решение о направлении уведомления (депозитарию Энергетической Хартии) о намерении не становиться участником договора к Энергетической Хартии, что сделано в соответствии со ст. 45 Договора к Энергетической Хартии. Содержание режима временного применения раскрывается в статье 45 Договора. Считается, что такие государства или организации находятся в процессе присоединения к Договору. Республика Беларусь стала участницей процесса Энергетической Хартии, что было закреплено постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 06.12.1994 г. № 230 «О подписании Договора к Европейской энергетической хартии». Вместе с тем, Республика Беларусь, как и Российская Федерация, не ратифицировала Договор к Энергетической Хартии. В настоящее время правовой статус Республики Беларусь в процессе Энергетической Хартии – государство, применяющее Договор к Энергетической Хартии на временной основе (временное применение). Республикой Казахстан подписан и ратифицирован Договор к Энергетической хартии. Казахстан активно участвует в процессе Энергетической Хартии, в том числе в разработке рабочих документов Энергетической Хартии, взаимодействует с ее организационными структурами (Конференция по Энергетической Хартии, Секретариат и

Генеральный секретарь). Вместе с тем, участие Казахстана в Энергетической Хартии анонсирует проблемы, которые могут быть знакомы странам, участвующим сразу в различных интеграционных образованиях. В юридической литературе, например, отмечается, что подписание Казахстаном Договора к Энергетической Хартии имеет определенные отрицательные моменты. Договор целиком направлен на защиту прав инвесторов, и Казахстану как принимающему государству пришлось поступиться частью своих прав, пойти на ограничение суверенитета, в частности, на отказ от судебного иммунитета. Однако Казахстан пошел на это сознательно, ибо всякий договор – это баланс интересов. И свое законодательство республика развивает в направлении усиления гарантий иностранным инвесторам, предоставления им надежной защиты от посягательств государственных чиновников [28]. В процессе Энергетической Хартии участвуют и недавно присоединившиеся к ЕАЭС Армения и Кыргызстан. Безусловно и эти страны анонсируют собственные интересы и подходы, опирающиеся на национальное законодательство об энергетике и на международные договоры.

Участие в ЕАЭС и интеграция в сфере энергетики несут определенные риски участникам этих процессов, поскольку эти процессы должны учитывать национальные интересы сторон, а с другой стороны, национальные законодательства об энергетике и заключенные ранее международные договоры. В этом контексте угадываются различные проблемы, которые могут осложнить интеграцию в сфере энергетики. Например, концепция общих рынков энергоносителей для Евразийского экономического Союза еще не разработана. Есть лишь концепция общего рынка электроэнергии, но очевидно, общий энергетический рынок ЕАЭС не будет противоречить основным принципам Международной Энергетической Хартии. Отличия, разумеется, неизбежны, поскольку в законодательстве ЕАЭС должны полностью учитываться интересы производителей энергоресурсов, в то время как хартия сориентирована главным образом на

потребителей энергии, особенно импортеров [29, с. 18].

Каждая страна, участвующая в ЕАЭС, имеет систему законодательства об энергетике. В силу целого ряда объективных причин, эти законодательства отличаются друг от друга по структуре и содержанию. Различия, присущие всем элементам правоотношений энергоснабжения и энергосбережения, обуславливают различия в подходах к регулированию этих отношений. Различия трансформируются в противоречия и воздействуют на область интеграционного взаимодействия, что затрудняет выработку общих норм и правил, направленных на регулирование отношений энергоснабжения и энергосбережения. Вместе с тем, есть и консолидирующие начала. Так, с точки зрения частного или гражданского права, участвующих в ЕАЭС стран, энергетические ресурсы относятся к объектам гражданских прав и идентифицируются в этом значении как вещи. Кроме того, праву каждой страны известны и институты-сателлиты или смежные институты, развивающиеся параллельно и имеющие схожее правовое регулирование [30]. В данном случае это институты энергоснабжения и энергосбережения. Однако сам по себе подобный позитивный фактор еще не является гарантом успешности интеграции в сфере энергетики.

К числу наиболее важных внутригосударственных основ, которые могут влиять на содержание процесса интеграции в сфере энергетики стран ЕАЭС и имеющих национальную природу, можно выделить следующие:

- Наличие системы законодательства об энергетике.
- Наличие энергетической отрасли, в том числе: наличие или отсутствие месторождений нефти и газа, нефтеперерабатывающих предприятий и предприятий по производству сжиженного газа, ПХГ (подземных хранилищ газа), систем газоснабжения, атомных электростанций, ТЭЦ, магистральных трубопроводов и др.
- Экономическая специализация.
- Международные договоры в сфере энергетики.

- Участие в международных организациях.
- Географическое расположение государства.
- Состояние урбанизации.

Наибольшие различия присущи энергетическим отраслям стран, участвующих в ЕАЭС. Эти отрасли неравнозначны по своей структуре и содержанию, что первоначально создает условия для дисбаланса в интеграционном процессе в сфере энергетики. Например, при наличии предприятий трубопроводного транспорта в Российской Федерации и Республике Беларусь, что позволяет говорить о возможности функционирования единой трубопроводной системы, существует значительная разница в протяженности магистральных трубопроводов. Такая же несопоставимая разница существует и в части месторождений полезных ископаемых. Подобная диспозиция предопределяет характер правового регулирования на уровне национального законодательства, а с другой стороны, проектирует контуры нормотворческой деятельности применительно к нуждам интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и, прежде всего, применительно к энергетике. То же можно сказать и о других государствах-членах ЕАЭС. При таких обстоятельствах возникает необходимость в выработке концепции правового обеспечения интеграционных процессов в сфере энергетики и, в то же самое время, в создании условий для балансировки национального и наднационального в юридической конструкции интеграционного процесса.

В п. 2 раздела XX «Энергетика» Договора «О Евразийском экономическом союзе» говорится о том, что к отношениям хозяйствующих субъектов государств-членов, осуществляющих свою деятельность в сферах электроэнергетики, газа, нефти и нефтепродуктов, не урегулированным настоящим разделом, применяется законодательство государств-членов. Из данной нормы следуют следующие важные положения:

В разделе XX Договора говорится о хозяйствующих субъектах в том значении, которое придается этому понятию национальными

законодательствами участвующих в ЕАЭС стран. Статья 1 Договора среди иных понятий, используемых в Договоре, не содержит такое понятие, как «хозяйствующий субъект». Законодательство Республики Беларусь содержит понятие «субъект хозяйствования». Например, под субъектами хозяйствования для целей Декрета Президента Республики Беларусь от 16.01.2009 г. № 1 «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования» понимаются юридические и физические лица, перечисленные в подпунктах 1.1 и 1.2 пункта 1 Положения о государственной регистрации субъектов хозяйствования, утверждаемого настоящим Декретом. Законодательство Российской Федерации содержит понятие «хозяйствующие субъекты». Так, в соответствии со ст. 5 ст. 4 Федерального закона «О защите конкуренции» хозяйствующий субъект - коммерческая организация, некоммерческая организация, осуществляющая деятельность, приносящую ей доход, индивидуальный предприниматель, иное физическое лицо, не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, но осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую доход, в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации (п. 5 в ред. Федерального закона от 06.12.2011 N 401-ФЗ) [31]. Понятие «хозяйствующий субъект» знакомо также, праву Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Армения. Анализ законодательства стран, участвующих в ЕАЭС, говорит о том, что под хозяйствующими субъектами или субъектами хозяйствования в целом понимаются коммерческие организации и граждане, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица. Отдельным образом, различаются субъекты естественных монополий, что наиболее актуально именно для энергетики. Из всех стран, участвующих в ЕАЭС наиболее развитым и полным является российская система законодательства о естественных монополиях. Договор «О Евразийском

экономическом союзе» содержит раздел XIX «Естественные монополии», но нормы этого раздела существенным образом отличаются от раздела XX в том смысле, что их применение связано специальными оговорками, содержащимися в разделе XIX «Естественные монополии».

Из-за присущих энергетике отраслевых особенностей, таких как проведение работ по разведке и добыче полезных ископаемых, перемещение отдельных видов энергетических ресурсов по специальным транспортно-технологическим системам (нефть и газ по магистральным трубопроводам), создание высокотехнологичного оборудования для предприятий энергетической отрасли, когда требуются большие вложения (инвестиции) для осуществления предпринимательской деятельности в энергетике наиболее оптимальной формой предпринимательства является деятельность с созданием юридического лица или коллективное предпринимательство. Перечень юридических лиц, которые могут быть идентифицированы в качестве хозяйствующих субъектов (субъектов хозяйствования), содержится в Гражданских кодексах и иных нормативных правовых актах государств-членов ЕАЭС.

Договор «О Евразийском экономическом союзе» закрепил приоритет норм данного Договора перед нормами внутригосударственного законодательства стран, участвующих в ЕАЭС. Данное положение является достаточно принципиальным с точки зрения идентификации самого Договора, как регулятора отношений в сфере энергетики, реализуемых в рамках ЕАЭС. Этот принцип стал неотъемлемой частью установившейся в годы поиска национальной самоидентификации, традиции нормотворчества многих стран постсоветского пространства, в том числе и государств-членов ЕАЭС. Здесь прослеживается определенная аналогия с так называемым первичным правом Европейского союза, которое содержится в договорах о создании Европейского союза, частные правовые нормы при этом содержатся в многочисленных постановлениях, директивах и судебных решениях, составляющих вторичное право Евросоюза [32, с. 391].

Таким образом, выстраивается основа для наднационального сотрудничества в рамках ЕАЭС. Присутствует один из важнейших признаков наднациональности, а именно: законодательная деятельность ЕАЭС как международной организации, обладающей правосубъектностью, международно-правовой статус которой закреплен в п. 2 Договора «О Евразийском экономическом союзе». Процесс создания и деятельности ЕАЭС, связан с необходимостью преодоления коллизий, вероятность которых достаточно высока в сфере отношений, связанных с производством и передачей энергетических ресурсов, а также их потреблением. По этой причине, понятийный аппарат, идентифицирующий ЕАЭС в качестве международной организации, пополнился таким термином, как «гармонизация законодательства».

Нефтегазовый сектор, один из наиболее значимых для стран, участвующих в Евразийском экономическом союзе. Законодательство, направленное на регулирование отношений по добыче нефти и газа, доставке их потребителю и потреблению, стало формироваться в рамках создания национальных правовых систем с начала 90-х г.г. XX века. Этот процесс отличался сложностью и противоречивостью, поскольку национальным законодателям приходилось решать целый комплекс проблем, связанных с определением прав собственности на недра и полезные ископаемые, на объекты, входящие в состав предприятий трубопроводного транспорта. Кроме того, вырабатывалась техника национального нормотворчества, а также апробировались новые подходы в сфере межгосударственных отношений, поскольку сами отношения по добыче и перемещению нефти и газа от мест добычи к местам переработки и потребления, как правило, осложнены иностранным элементом. Таким образом, законодательство, обеспечивающее регулирование в нефтегазовой сфере развивалось под значительным воздействием национального элемента, что в итоге привело к закреплению норм, направленных на защиту внутреннего энергетического рынка и обеспечение экономических интересов этих стран [33, с. 46]. За это

время сформировалась система законодательства об энергетике стран, участвующих в ЕАЭС.

Республика Беларусь:

- Закон «Об энергосбережении» 1998 г.
- Закон «О магистральном трубопроводном транспорте» 2002 г.
- Закон «О газоснабжении» 2003 г.
- Закон «О естественных монополиях» 2002 г.
- Кодекс О недрах 2008 г.

Российская Федерация:

- Закон «О газоснабжении в Российской Федерации» 1999 г.
- Закон «Об экспорте газа» 2006 г.
- Закон «О недрах» (ред. от 28.12.2013)
- Водный кодекс 2006 г.
- Закон «О естественных монополиях» 2005 г.

Республика Казахстан:

- Закон «О недрах и недропользовании» 2010 г.
- Закон «О государственном регулировании производства и оборота отдельных видов нефтепродуктов» 2011 г.
- Закон «О магистральном трубопроводе» 2012 г.

Республика Армения:

- Закон «Об энергетике» 2001 г.
- Закон «Об энергосбережении и возобновляемой энергетике Республики Армения» 2004 г.
- Кодекс О недрах 2011 г.

Кыргызская Республика:

- Закон «Об энергосбережении» 1998 г.
- Закон «Об энергетике» 1996 г.

Национальный элемент оказывает влияние практически на все правоотношения, которые известны Договору «О Евразийском экономическом союзе». Применительно к энергетике такое влияние осуществляется на нескольких уровнях:

- правоотношения энергоснабжения и энергосбережения;
- правоотношения с участием субъектов естественных монополий, а также в сфере конкуренции;
- правоотношения, реализуемые в общих отраслях, вовлеченных в процесс интеграции в рамках ЕАЭС.

Данные уровни находятся в состоянии корреспондирования и зависимости и являются частью сложного правового явления, неотделимого от процесса интеграции в сфере энергетики. Например, правовая характеристика правоотношений в сфере энергетики невозможна без учета особенностей свойственных правоотношениям, в которых принимают участие субъекты естественных монополий. Согласно п. 3 ст. 78 Договора «О Евразийском экономическом союзе» правоотношения в конкретных сферах естественных монополий определяются разделом XIX («Естественные монополии») с учетом особенностей, предусмотренных разделами XX и XXI Договора.

В данном контексте, форма существования национального элемента зависит от уровня правоотношения, а степень его воздействия от характера правоотношений. В наибольшей степени Договор «О Евразийском экономическом союзе» зависит от национального элемента в части положений, касающихся интеграции в сфере энергетики. При этом, степень такой зависимости неодинакова для стран участвующих в Договоре и отличается от уровня разработанности национального законодательства об энергетике. В силу данного обстоятельства наибольшая зависимость Договора проявляется в отношении законодательства Российской Федерации, которая имеет наиболее разработанное законодательство в сфере энергетики, а также естественных монополий.

Правоотношения в сфере энергетики, правовой основой которых являются международные договоры, по сложившейся практике следуют праву международных договоров. Договор «О Евразийском экономическом союзе» показывает пример достаточно сложного сочетания норм, направленных на регулирование отношений в сфере энергетики и естественных монополий, но на основе приоритета положений этого Договора. Характеристика субъектного состава Договора «О Евразийском экономическом союзе» как многостороннего договора анонсирует проблему национального элемента, осложненную как субъектным составом, так и объектом этого договора. Кроме того, данная проблема по своей сути имеет лабильный характер, поскольку ее состояние зависит от изменений национального законодательства стран, участвующих в Договоре «О Евразийском экономическом союзе».

1.3. Основные начала (принципы) законодательства Республики Беларусь об энергетических ресурсах

Производство любых видов энергетических ресурсов, добыча полезных ископаемых, а также доставка (передача) и потребление любых видов энергетических ресурсов должны давать экономический эффект, удовлетворять потребностям различных отраслей экономики и граждан-потребителей.

Нормативные правовые акты, определяющие порядок деятельности в сфере производства энергетических ресурсов и добычи полезных ископаемых, а также их доставки (передачи) и потребления должны учитывать особенности различных сегментов энергетической отрасли, не допуская возможности их убыточного функционирования. Так, Закон Республики Беларусь «О газоснабжении» определяет правовые, экономические и организационные основы регулирования отношений в области газоснабжения и направлен на создание условий для обеспечения потребителей газом, а также для эффективной, надежной и безопасной эксплуатации объектов системы газоснабжения.

Во многих странах (Канада, США, Великобритания, Германия, Швейцария и др.) законодательство об энергетике построено по принципу приоритета норм о безопасной эксплуатации объектов энергетической отрасли. Обеспечение безопасной эксплуатации объектов энергетики позволяет предупредить нерегламентированные остановки производства и передачи энергетических ресурсов и тем самым значительно повысить экономическую эффективность работы объектов энергетики.

Эффективность работы энергетической отрасли зависит также от работы других отраслей экономики, таких как машиностроение, электронная промышленность и др. Поэтому действующее законодательство должно обеспечивать режим наибольшего благоприятствования для тех отраслей

экономики, показатели работы которых оказывают непосредственное влияние на энергетику.

Производство энергетических ресурсов, их доставка (передача) и потребление не должны наносить вреда организациям и гражданам, а также окружающей среде.

По смыслу норм содержащихся в п. 1 ст.948 Гражданского кодекса, деятельность объектов энергетической отрасли должна быть отнесена к деятельности, создающей повышенную опасность для окружающих. Степень такой опасности, вероятность причинения вреда и последствия во многом зависят от вида энергетических ресурсов, особенностей их производства и потребления, что должно учитываться при разработке проектов нормативных правовых актов, предназначенных для регулирования отношений в сфере энергетики. Действующие нормативные правовые акты содержат нормы, направленные на обеспечение безопасной эксплуатации объектов энергетической отрасли. Так, подобные нормы содержатся в Законе Республики Беларусь «О магистральном трубопроводном транспорте». Статья 31 данного Закона содержит нормы, определяющие общий порядок организации работ при инцидентах, авариях и чрезвычайных ситуациях на магистральных трубопроводах.

Большое значение имеет использование иностранного опыта инновационной деятельности в области создания и эксплуатации технологического оборудования предназначенного для предупреждения аварий на объектах энергетической отрасли. Так, в параметрических системах обнаружения утечек в системе магистральных трубопроводов наиболее проблемными остаются вопросы адекватности применяемых моделей технологическому состоянию контролируемых участков трубопроводов.

В целом, нормы направленные на обеспечение безопасной эксплуатации объектов энергетической отрасли, устранения неблагоприятных последствий их деятельности содержатся в различных

нормативных правовых актах, обеспечивающих регулирование в энергетической отрасли, а также в международных соглашениях с участием Республики Беларусь.

Деятельность предприятий энергетической отрасли не должна приводить к нарушению положений международных соглашений с участием Республики Беларусь.

Во многих случаях, деятельность по производству, доставке (передаче) и потреблению энергетических ресурсов носит трансграничный характер. В наибольшей степени это касается объектов атомной энергетики и магистрального трубопроводного транспорта.

Деятельность предприятий по производству, передаче и потреблению энергетических ресурсов, осуществляемая на сопредельных территориях, может привести к нарушению, как национальных законодательств сопредельных государств, так и к нарушению положений международных соглашений, в особенности тех, которые касаются создания охранных зон объектов энергетической отрасли, порядка уведомления об авариях и иных чрезвычайных ситуациях, вывоза через сопредельные государства отработанных отходов с АЭС, условий транзита энергетических ресурсов и др.

В соответствии с ч. 2 ст. 6 ГК Республики Беларусь нормы гражданского права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, вступивших в силу, являются частью действующего на территории Республики Беларусь гражданского законодательства, подлежат непосредственному применению, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для применения таких норм требуется издание внутригосударственного акта, и имеют силу того правового акта, которым выражено согласие Республики Беларусь на обязательность для нее соответствующего международного договора.

Значение данного принципа возрастает по мере усиления интеграционных процессов в сфере экономики и права, создания единых или

региональных рынков товаров, работ, услуг, а также единых энергетических систем.

Деятельность по производству, передаче и потреблению энергетических ресурсов должна строиться на использовании новейших производственных технологий и процессов, а также специального оборудования и систем энергосбережения.

Энергетическая отрасль относится к числу отраслей, в которых используется сложное технологическое оборудование и процессы, и в этом смысле является зависимой от уровня развития в научно-технической сфере и уровня развития других отраслей: машиностроение и приборостроение, электронная промышленность и др. Использование новейшего оборудования и новейших технологических процессов повышает экономическую эффективность энергетической отрасли и в целом ее конкурентоспособность как в пределах региональных экономических зон и сообществ, так и на мировом уровне. В качестве примера можно привести такой сегмент энергетической отрасли как угольные электростанции.

Использование новейших производственных технологий и оборудования позволяет также уменьшить риск причинения вреда, который может стать следствием эксплуатации устаревшего энергетического оборудования и в особенности систем передачи (перемещения) различных видов энергетических ресурсов.

В связи с тем, что во многих случаях объекты энергетической отрасли образуют собой единые энергетические системы, возникает необходимость в разработке и использовании унифицированного энерготехнического оборудования и единых технических регламентов.

Конструирование и производство оборудования для энергетической отрасли, а также разработка проектно-сметной документации и строительство предприятий энергетической отрасли должны осуществляться в строгом соответствии с техническими регламентами, действующими в энергетической отрасли, строительными нормами и правилами, а в

необходимых случаях, например при проектировании, строительстве и эксплуатации АЭС, международными правилами и техническими регламентами.

Все работы по проектированию и строительству в энергетической отрасли должны осуществляться на основе действующих в отрасли технических регламентов, строительных норм и правил, содержащих требования к срокам проектирования и строительства, экспертным процедурам, качеству проектно-сметной документации и строительных работ, наладке и пуску оборудования, надзору за проведением работ и т.д.

Деятельность в сфере атомной энергетики должна осуществляться в соответствии со сводами положений и руководством по безопасности в отношении выбора площадки для строительства АЭС, проектирования, эксплуатации и качества АЭС, разработанными МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергетике).

Законодательство Республики Беларусь об энергетических ресурсах должно строиться с учетом необходимости диверсификации в сфере энергетики.

Следование принципу диверсификации означает:

а) разработку нормативных правовых актов, способствующих внедрению специального оборудования работающего с использованием новых технологий и новых видов энергетических ресурсов;

б) разработку нормативных правовых актов, направленных на установление благоприятных режимов налогообложения и создание различных преференций, стимулирующих внедрение новых технологий и новых видов энергетических ресурсов.

Нормативные правовые акты в сфере энергетики должны идентифицироваться в качестве неотъемлемых элементов законодательства Республики Беларусь, находящихся в состоянии взаимозависимости с нормативными правовыми актами, образующими собой гражданское

законодательство, земельное законодательство, законодательство о налогообложении и др.

Состояние взаимозависимости в данном случае должно отвечать интересам реализации в законодательстве Республики Беларусь принципов обеспечения энергетической и экономической безопасности государства.

Принципы обеспечения энергетической и экономической безопасности государства не могут рассматриваться в качестве самостоятельных по отношению друг к другу, а механизмы реализации этих принципов не могут быть монополизированы только лишь законодательством об энергетике.

Создание объектов энергетической отрасли не должно вести к нарушению прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

Реализация данного принципа означает необходимость строгого соблюдения гражданского и земельного законодательства касающегося прав собственности и иных вещных прав, изъятия земельных участков для государственных и общественных нужд.

Достижение высоких экономических показателей, повышение уровня благосостояния граждан неразрывно связаны с работой такой важнейшей отрасли экономики как энергетика. Отношения, складывающиеся в энергетике в связи с производством, передачей и потреблением энергетических ресурсов требуют адекватного правового регулирования, от эффективности которого зависит функционирование многих отраслей экономики. Энергетика отличается рядом характерных особенностей, которые касаются ее места в современной экономике, направлений развития, восприимчивости к интеграционным процессам, происходящим в Европе и остальных частях мира. Все эти и иные, присущие энергетике особенности должны учитываться при планировании нормотворческой деятельности и разработке нормативных правовых актов, направленных на регулирование отношений в сфере производства, передачи и потребления различных видов энергетических ресурсов. При разработке нормативных правовых актов, которые направлены на регулирование отношений в энергетике, следует

руководствоваться закрепленными в законодательстве основными началами (принципами).

2. НАДНАЦИОНАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ В ПРАВЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

2.1. К вопросу о наднациональном элементе в юридической природе Евразийского экономического союза

Общность историко-культурного контекста развития государственности в странах постсоветского пространства предрасполагала, с высокой долей необходимости, к дальнейшему поиску форм расширения и углубления взаимодействия между ними. Ответом на такую осознанную необходимость стала интеграционная политика, выбранная данными государствами, начало которой лежит в создании Содружества Независимых Государств, а актуальным результатом, на данный момент, можно назвать возникновение нового формата отношений ряда стран – Евразийского экономического союза, нацеленного на создание и обеспечение благоприятных условий широкого взаимодействия и взаимообогащения народов стран-участниц данного объединения. Договор о Евразийском экономическом союзе (Договор) был подписан 29 мая 2014 года, и вступил в законную силу 1 января 2015 года, после ратификации его всеми государствами-членами, что соответствует требованиям Венской конвенции о праве международных договоров (1969 года) [34]. Его подписание открыло широкие перспективы для углубленного сотрудничества государств, ставших участниками данного Договора. Первыми государствами подписавшими данный Договор являлись Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация, на настоящий момент к нему присоединились Республика Армения и Кыргызская Республика. Тем самым учреждалась международная организация региональной экономической интеграции, наделенная международной правосубъектностью – Евразийский экономический союз (ЕАЭС), что обозначено в положениях ст. 1 Договора.

Возникновение формата, получившего свое закрепление в нормах Договора о Евразийском экономическом союзе, очевидно продиктовано реалиями глобализированного мира, в котором именно экономические процессы выступают в качестве определяющих вектор геополитики, задающих тон и характер международных отношений, служащих необходимым элементом обеспечения свободы цивилизационного выбора национальных государств. Предложенный формат сотрудничества являясь, безусловно, интересным, обозначил для юридической науки значимость исследования широкого круга вопросов, среди которых: определение статуса правовых норм ЕАЭС; поиск оптимальных, качественно разработанных процедур, гармонизации законодательства государств-членов Союза; анализ правовых инструментов разрешения споров между государствами-членами объединения; риски и угрозы, возникновение которых обусловлено углублением евразийской экономической интеграции для стран участниц ЕАЭС; сочетание суверенности государств-членов Договора и наднациональными элементами в характере международного интегративного образования – Евразийского экономического союза. Указанные вопросы уже вошли в поле широкого научного обсуждения и активно исследуются.

В качестве одного из наиболее дискуссионных следует выделить вопрос о наднациональном элементе в юридической природе Евразийского экономического союза. Указанная проблема, несмотря на активность обсуждения не теряет актуальности, отчасти в силу того, что непосредственно связана с проблематикой государственного суверенитета, имеющей непреходящее значение для современности республик бывшего СССР, отчасти, в силу сложности вопросов, затрагиваемых в рамках научной дискуссии, их теоретической глубине и практическом разнообразии существующих форм решений, требующих своего научного осмысления.

Широкое распространение в XX веке международных организаций актуализировало теоретическое осмысление феномена наднациональности.

Но определенно и последовательно говорить о «наднациональности» можно лишь обладая четкими критериями, раскрывающими её содержание. Однако, современная геополитическая картина мира очень динамична. Природа проблем, возникающих перед отдельными национальными государствами, ставит их перед необходимостью активного пересмотра существующих форм интеграции и поиска новых форматов сотрудничества, что обуславливает необходимость проведения одновременно как ретроспективного, так и перспективного теоретического анализа предлагаемых и существующих юридических основ международного взаимодействия, в том числе проявляющихся наднациональных элементов. Это открывает новые грани свойств существа понятия «наднациональность», вызывая все новые дискуссии на тему его содержания, конкретных форм воплощения и отношения объема данного понятия с объемами понятий «суверенитет», «координация», «согласованность».

Термин «наднациональность» вошел в научный дискурс после его закрепления в Парижском договоре 1951 г., которым учреждалось Европейское объединение угля и стали, с достаточно широкими полномочиями, предоставленными Сторонами его институтам по управлению угольной и сталелитейной промышленностью. Наднациональность в рамках данного договора получила свое выражение в утверждении и правовом обеспечении независимого характера деятельности членов Верховного органа данного объединения от воздействия со стороны государств-участников [35, с. 134]. Понятие «наднациональности» является доктринальным и дискуссионным, поскольку ни в одном источнике права не содержится его определение, а на теоретическом уровне существует большое многообразие подходов к пониманию его содержания.

Рядом исследователей, наднациональность в каком-то смысле противопоставляется суверенитету национальных государств, поскольку рассматривается как соотношение суверенитета стран-участниц с

полномочиями учрежденного ими международного механизма интеграции. Например, если органы образованного союза, в пределах установленной компетенции, принимают решение большинством голосов обязательные к исполнению всеми государствами-членами, то последовательным следует признать надгосударственный характер данного объединения. Но достаточно большое количество ученых стоит на позиции разноприродности власти межгосударственных объединений и власти государства, рассматривая наднациональность не как угрозу суверенитету государственной власти, а в качестве возможного инструмента его реализации [36, с. 244]. Последняя точка зрения, как представляется, может быть подкреплена и следующими рассуждениями. Фундаментом государственного суверенитета является самоопределение народа проживающего на определенной территории, а, соответственно, источником государственного суверенитета является народ, которому принадлежит вся полнота власти. В силу чего не последнее значение придается правовым механизмам, позволяющим услышать, воплотить волеизъявление народа, в том числе посредством международной политики государства и международного права. Это означает, что государства обязаны определять правовые формы, например, воплощения конкретной модели экономики, реализация которой в рамках того либо иного международного объединения позволит достигнуть желаемого результата, одновременно выступая отражением культурной специфики региона, и, соответственно, воплощением надежд и воли народов, населяющих страны-участницы. Вполне правомерно отнести к задачам, которые целесообразно решаемы созданием международных организаций, в частности, ЕАЭС, упрочение суверенитета стран региона в системе международных правоотношений, в том числе посредством формирования общей системы норм и практик, отвечающим внутренним и внешним интересам региона [37]. Соответственно, право данной международной организации призвано придать более конкретные формы тем ценностям, которые бы обеспечили жизнеспособность и эффективность существования данного союза, позволив

реализовать поставленные перед ним задачи в полном объеме и с наибольшей эффективностью. В силу чего наднациональность отдельных элементов механизма принятия решений и осуществления функций международной организации не несет в себе угрозу национальному суверенитету.

К наиболее существенным признакам отличающим наличие наднациональности международной организации относят, во-первых, возможность принятия решений по вопросам, ранее относившимся исключительно к компетенции национальных государств, во-вторых, наличие механизма позволяющего принимать решения против воли отдельного государства, большинством голосов участников, в-третьих, принятые решения должны быть обязательны для граждан государств-членов организации минуя механизмы включения в национальное право, в-четвертых, отсутствие права выхода из организации [38, с. 365]. Сегодня, по мнению юристов-международников, именно Европейский союз выступает достаточно характерным образчиком наднационального характера международных организаций. Так, государства-члены Евразийского экономического союза обозначили в качестве фундаментальных начал его деятельности соблюдение принципов рыночной экономики, что означает в качестве необходимого условия наличие действенных механизмов защиты прав собственности участников хозяйственных отношений на территории ЕАЭС. В силу чего в Договоре заложены положения предполагающие возможность привлечения к ответственности участников хозяйственных отношений в рамках пространства Евразийского экономического союза.

Следует отметить, что в Договоре о Евразийском экономическом союзе термин «наднациональность» упоминается в ст. 38, в которой установлено, что координация в сфере торговли услугами не означает наднациональной компетенции Союза в этой сфере, а также в ч. 2 ст. 103 Переходных

положений, где говорится о создании наднационального органа по регулированию финансового рынка.

Согласно Договору о ЕАЭС у данной организации отсутствует право действовать самостоятельно при установлении компетенции, расширяя её по собственному усмотрению. В качестве механизма принятия решений органами Союза реализован консенсус. Здесь следует отметить, что принцип равноправия сторон заложенный в основание деятельности Союза, является началом обеспечивающим представленность суверенной воли государств-членов в деятельности ЕАЭС, а реализован он, прежде всего, посредством установления консенсуальных механизмов принятия решений в рамках Союза (п. 2 ст. 13, п. 2 ст. 17, ч. 2 п. 2 ст. 18) и представленности сторон в его органах. Часть 4 ст. 8 предусматривает, что председательство в Высшем Евразийском экономическом совете, в Евразийском межправительственном совете и Евразийской экономической комиссии осуществляется на ротационной основе в порядке русского алфавита одним государством-членом в течение одного календарного года без права продления. Отбор кандидатов, которые должны быть гражданами государств-членов Договора, на занятие должностей в структурных подразделениях постоянно действующих органов производится с учетом принципа равной представленности сторон, Представительствующими во всех структурных подразделениях Комиссии являются представители государств-членов ЕАЭС на ротационной основе согласно порядку русского алфавита по наименованию государства-члена. А в ч.2 п.1 ст. 6 Договора устанавливается, что решения органов ЕАЭС подлежат исполнению посредством механизмов предусмотренных национальным законодательством, что оставляет широкое пространство для поиска оптимальных правовых форм наиболее последовательно вписывающихся в действующую систему законодательства государства-члена и оставляет свободу для формы выражения конкретным государством международного решения во внутреннюю правовую систему.

Статья 118 Договора предусматривает достаточно прозрачный и не усложненный механизм выхода государства-члена из Союза [39, с. 126].

Опираясь на вышеизложенное, правомерным представляется вывод о том, что стороны Договора предложили формат организации, не имеющий наднационального характера. Однако, обладающей определенными наднациональными функциями, следуя предложенной С.Н. Сарсеновой терминологии – функциональной наднациональностью [40]. В частности, примером осуществления наднациональных функций органами ЕАЭС может выступать принятие решений Евразийской экономической комиссией Союза обязательных для исполнения хозяйствующими субъектами государств-членов, в том случае, если такое решение принимается квалифицированным большинством Коллегии Евразийской экономической комиссии [41, с. 102].

О присущей Евразийскому экономическому союзу функциональной наднациональности свидетельствуют и положения ч. 7 ст. 76 Договора в норме которой предусмотрено, что пресечение нарушений хозяйствующими субъектами государств-членов общих правил конкуренции на трансграничных рынках, осуществляется Комиссией ЕАЭС [42]. В приведенных положениях определена функциональная область в рамках которой исполнительный орган Союза вправе действовать как контролирующий субъект наделенный властью, предоставленной ему государствами-членами соглашения, выступая от собственного имени, что говорит о наднациональном характере его полномочий. Так, Комиссия налагает штрафы за нарушение общих правил конкуренции на трансграничных рынках на тех субъектов рынка, которые допустили соответствующие правонарушения, при этом данные штрафы поступают в бюджет того государства-члена ЕАЭС, на территории которого зарегистрировано привлекаемое к ответственности юридическое лицо. Видится, что приведенный механизм достаточно последовательно раскрывает инструментальную роль Комиссии в утверждении интересов государств подписавших союзный Договор. Комиссия ЕАЭС не претендует

на корректировку суверенных интересов государств-членов, а отвечает лишь за эффективный механизм их реализации на трансграничных рынках.

Вместе с тем указание на то, что Евразийский экономический союз – это организация обладающая международной правосубъектностью, а также то, что должностные лица и сотрудники постоянно действующего органа евразийского объединения Евразийской экономической комиссии при исполнении служебных обязанностей независимы от государственных органов и должностных лиц государств-членов, а согласно п. 56 Приложения № 1 к Договору каждое государство-член обязано «...уважать статус должностных лиц и сотрудников Комиссии и не оказывать на них влияния при исполнении ими служебных обязанностей» указывает на некоторые значимые особенности данного объединения. В силу чего изложенная позиция остается дискуссионной, среди исследователей и практиков существуют аргументы и в пользу обладания ЕАЭС характером наднационального объединения [43, с. 247].

Очевидно одно – для практического осуществления целей создания Союза жизненно важным является дальнейшая разработка как теоретических основ деятельности Евразийского экономического союза, так и конкретных правовых форм функционирования его институтов, позволяющих оптимальным образом сочетать суверенное равенство государств и интегративные экономические устремления в рамках их международного взаимодействия.

2.2 Правовой механизм межотраслевого взаимодействия интеграционных процессов в сфере энергетики в рамках Евразийского экономического союза(прелиминарные положения)

Правовая основа деятельности Евразийского экономического союза (ЕАЭС) обеспечивает интеграционные процессы в самых различных сферах деятельности, в том числе и в сфере энергетики. Таким образом, возникает необходимость в рассмотрении правовой основы деятельности ЕАЭС и определении теоретико-правовых основ межотраслевого взаимодействия интеграционных процессов. Безусловно, будучи международной организацией, ЕАЭС может быть охарактеризована посредством понятийно-правового инструментария, используемого международным правом, в том числе и международным экономическим правом. При помощи такой характеристики можно идентифицировать ЕАЭС как международную организацию, определив ее вид, цели деятельности, круг участников, содержание и объем компетенции, характер полномочий и др. [44].

Ознакомление с Договором об учреждении Евразийского экономического союза говорит о том, что в рамках этой международной организации интеграционные процессы осуществляются не в какой-то одной сфере или отрасли экономики, а охватывают практически все отрасли экономики и даже затрагивают смежные с экономикой области деятельности. Сама структура Договора идентифицирует области интеграционного взаимодействия и опосредовано указывает на их отраслевую принадлежность с точки зрения права. Например, раздел IV посвящен бюджету ЕАЭС, раздел VI функционированию таможенного союза, раздел VII регулированию обращения лекарственных средств и медицинских изделий, раздел IX внешнейторговой политике и т.д. Обозначенные в Договоре контуры отраслевой принадлежности крайне важны для создания условий, обеспечивающих достижение целей ЕАЭС, которые закреплены в статье 4 Договора, а именно: создание условий для стабильного развития экономик

государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза.

Таким образом, ЕАЭС как международная организация имеет свои конкретные цели и участвующие в этой организации государства должны стремиться к их достижению. В этом смысле можно говорить о наличии юридического интереса у сторон Договора, основанного на общей цели, а с другой стороны о юридическом интересе каждой из сторон, но уже ограниченного рамками национальных или внутригосударственных интересов. Следовательно, возникает своеобразная коллизия интересов, нивелированию которой должны способствовать закрепленные в Договоре об учреждении ЕАЭС правовые механизмы. Так, в статье 2 Договора указывается на такое важнейшее понятие как «гармонизация законодательства» - сближение законодательства государств-членов, направленное на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах. Среди иных факторов, оказывающих влияние на право ЕАЭС, наиболее значимым является право стран, участвующих в этой международной организации. Характер и степень такого воздействия во многом находятся в зависимости от той системы права, которая принята в каждой из государств-членов ЕАЭС.

В рассматриваемом контексте внимание сосредотачивается на том значении, которое придается системе права, в частности, отраслям или институтам, так или иначе вовлеченным в процесс интеграционного взаимодействия. Здесь в первую очередь интересно установить наличие (или отсутствие) влияния изменений, происходящих в различных отраслях права на интеграционные процессы и право ЕАЭС. Ответы на подобные вопросы можно попытаться найти лишь посредством внимательного ознакомления с теми глубинными процессами и тенденциями, которые сопровождают развитие права каждого из государств, участвующих в ЕАЭС. Более того, значимость данной тематики не замыкается только лишь рамками ЕАЭС;

тема представляет интерес для всей практики международных отношений, складывающихся в рамках того или иного интеграционного взаимодействия.

Интеграция в сфере энергетики, осуществляемая в рамках ЕАЭС, первоначально строится на правовых нормах, закрепленных в национальном законодательстве стран, участвующих в ЕАЭС. Отраслевая принадлежность этих норм, может быть условно определена на основе положений, содержащихся в Договоре об учреждении ЕАЭС. В данном значении перечень отраслей права, в которых содержатся нормы, причастные к формированию права ЕАЭС и регулированию отношений в сфере энергетики могут быть отнесены: гражданское право, хозяйственное право, земельное право, финансовое право, трудовое право, экологическое право, международное право. Очевидно, что данный перечень представлен как отраслями, относящимися к частному праву, так и отраслями, идентифицируемыми в качестве публичных отраслей права. Кроме того, следует и еще один вывод: приоритет в правовом регулировании отношений энергоснабжения и энергосбережения принадлежит нормам, составляющим частное право, прежде всего, гражданское право.

Общим и основообразующим началом в интеграционном взаимодействии стран, участвующих в ЕАЭС является общность подходов, относящихся к нормотворческой деятельности в сфере энергетики. Отношения энергоснабжения и энергосбережения регулируются как нормами частного, так и публичного права. Такая практика утвердилась отнюдь не только в странах, входящих в ЕАЭС, но и во многих европейских странах, а также в США и Канаде. Например, достаточно много норм публично-правового характера содержится в Законе провинции Альберта (Канада) [45]. Данное обстоятельство облегчает формирование права ЕАЭС и развитие интеграционных процессов не только в этой международной организации, но и в любом другом интеграционном процессе. Это с одной стороны, объясняется главенствующей ролью государства в правовом регулировании отношений в сфере энергетики, а с другой, наличием в законодательстве об

энергетике большого числа императивных норм. Самый доступный и очевидный пример: нормы гражданских кодексов о договоре энергоснабжения. Не смотря на то, что гражданское законодательство стран, участвующих в ЕАЭС с начала 90-х г.г. XX в. формировалось и развивалось с учетом национальных особенностей и особенностей присущих энергетической сфере, остались за отдельными исключениями общие подходы, происходящие из гражданско-правовой доктрины времен советского права. Наиболее характерный пример: юридическая конструкция правоотношений энергоснабжения, которая с точки зрения реальностей современного права подвергается испытаниям на прочность. В частности, ставится под сомнение корректность термина «энергоснабжение», как термина, обремененного существовавшими в период советского гражданского права представлениями о системе договорных связей, более всего основанными на плановой экономике и механизме централизованного снабжения материально-техническими, а также и энергетическими ресурсами. Уже в постсоветский период право стран, участвующих в ЕАЭС стало дополняться новеллами, актуализирующими многие гражданско-правовые институты, в том числе и институт энергоснабжения. Речь идет, прежде всего, об институте энергосбережения, который стал развиваться параллельно с институтом энергоснабжения, лишь только с той разницей, что в еще большей степени подвергся влиянию норм публично-правового характера.

Наиболее существенные и глубинные подвижки произошли в сфере земельного (природоресурсного) права, которое утвердилось в системе права стран ЕАЭС сугубо как результат национального нормотворчества, свободного от моделирования кодексов на общей для стран СНГ основе. По сути страны, учредившие ЕАЭС, к концу 1-го десятилетия XXI века создали самостоятельное национальное законодательство о недрах и недропользовании, основой которого стали кодексы о недрах (Республика Беларусь, Республика Армения) и не кодифицированные законы о недрах и

недропользовании (Российская Федерация, Республика Казахстан). Из всех стран, участвующих в ЕАЭС наибольшее значение с точки зрения потребностей внутригосударственного регулирования отношений энергоснабжения, отводится законодательству о недрах и недропользовании Российской Федерации, имеющей значительное количество разведанных запасов нефти и газа. Здесь следует обратить внимание на большой потенциал земельного законодательства, нормы которого важны для обеспечения эффективного правового регулирования деятельности предприятий трубопроводного транспорта, подземных хранилищ газа и иных объектов топливно-энергетического комплекса. Весьма перспективны для потребностей интеграционного взаимодействия стран, участвующих в ЕАЭС теоретико-правовые исследования, относящиеся к земельному или природоресурсному праву. С одной стороны, такие исследования позволят обеспечить наиболее эффективное национальное нормотворчество, учитывающее национальные интересы, а с другой стороны, дополнить земельное законодательство нормами, направленными на регулирование отношений, связанных с энергетическими ресурсами, как это практикуется законодателями ряда европейских стран. Например, Земельный кодекс Швеции содержит нормы, которые при определенных условиях, оговоренных кодексом, закрепляют права на энергетические ресурсы [46]. В земельном законодательстве стран, участвующих в ЕАЭС подобные нормы отсутствуют.

С точки зрения перспектив развития в рамках интеграционного взаимодействия стран, участвующих в ЕАЭС институтов энергоснабжения и энергосбережения, интерес представляет сам раздел XX Договора «Энергетика». Статья 79 говорит о целях взаимодействия государств-членов в сфере энергетики: обеспечение национальных экономик такими основными видами энергетических ресурсов, как электроэнергия, газ, нефть и нефтепродукты. Ни в самом разделе, ни в тексте Договора об учреждении ЕАЭС нет специальных положений об интеграционном взаимодействии в

сфере атомной энергетики из чего, однако, нельзя сделать вывод о невозможности интеграции в этой сфере. В Договоре имеются отдельные нормы, так или иначе связанные с атомной энергетикой. Например, в подпункте 7 пункта 85 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (Приложение № 19 к Договору о Евразийском экономическом союзе) говорится о продукции ядерно-энергетического цикла. Отношения по использованию атомной энергии регулируются как нормами публично-правового, так и нормами частноправового характера и в своей совокупности образуют самостоятельный правовой институт, относящийся к гражданскому, хозяйственному или энергетическому праву.

Отношения в сфере энергетики, будь то добыча полезных ископаемых, производство, перемещение или потребление энергетических ресурсов, во многих случаях связаны с отношениями по экологической безопасности. Наиболее ярко эта связь проявляется при перемещении нефти и нефтепродуктов по магистральным трубопроводам и при эксплуатации атомных электростанций. Учитывая, что эксплуатация данных объектов представляет собой повышенную опасность для населения и окружающей среды возникает потребность в правовом обеспечении экологической безопасности, что достигается посредством национального нормотворчества и участия в международных договорах. Страны, участвующие в ЕАЭС, располагают нормативными правовыми актами, направленными на обеспечение экологической безопасности. Так, соответствующие нормы закреплены в законах Армении, Беларуси, России и Казахстана об использовании атомной энергии. Например, в соответствии со ст. 3 Закона Республики Беларусь «Об использовании атомной энергии» одним из принципов осуществления деятельности по использованию атомной энергии является приоритет защиты жизни и здоровья настоящего и будущих поколений граждан, охраны окружающей среды перед всеми иными аспектами деятельности по использованию атомной энергии.

Таким образом, можно сделать вывод, что условием эффективности интеграционных процессов в рамках ЕАЭС в сфере энергетики является механизм межотраслевого взаимодействия, основанный на праве стран, участвующих в ЕАЭС. Изначально условия для такого взаимодействия обеспечиваются национальным законодательством этих стран, воздействующим в качестве национального правового элемента на право ЕАЭС.

2.3 Принципы взаимодействия государств-членов Евразийского экономического союза в сфере энергетики (правовой аспект)

Интеграционное взаимодействие стран участвующих в евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) основывается на стремлении развивать долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество в сфере энергетики, проводить скоординированную энергетическую политику осуществлять поэтапное формирование общих рынков энергетических ресурсов в соответствии с международными договорами, предусмотренными в статьях 81, 83 и 84 Договора о создании ЕАЭС, с учетом обеспечения энергетической безопасности и на основе определенных принципов.

Принципы интеграционного взаимодействия в сфере энергетики образуют собой институт международного энергетического права призванный обеспечить правовые основы интеграции в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов в рамках международной организации. В международном праве под принципами понимаются руководящие правила поведения субъектов, возникающие как результат общественной практики, юридически закрепленные начала международного права. Они являют собой наиболее общее выражение установившейся практики международных отношений. Принцип международного права – это норма международного права, имеющая обязательный характер для всех субъектов.

Применительно к практике ЕАЭС как международной организации и сложного интеграционного образования, интерес вызывает характеристика принципов взаимодействия государств-членов ЕАЭС в сфере энергетики, закрепленные в разделе XX Договора о создании ЕАЭС. Конечными целями сотрудничества государств-членов ЕАЭС является обеспечение эффективного использования потенциала топливно-энергетических комплексов стран, участвующих в ЕАЭС, а также обеспечение национальных экономик основными видами энергетических ресурсов, такими как

электроэнергия, газ, нефть и нефтепродукты. Важно то, что положения раздела XX Договора о создании ЕАЭС следуют устоявшейся практике договорных отношений в сфере энергетики, поскольку содержат указание на долгосрочность сотрудничества, а с другой стороны, подтверждают необходимость проведения скоординированной энергетической политики и осуществления поэтапного формирования общих рынков энергетических ресурсов. Долгосрочность сотрудничества, вызвана объективными причинами и, как правило, предопределяется долгосрочностью самих договоров, опосредующих доставку нефти, нефтепродуктов или газа магистральными трубопроводами.

Основная часть. В п. 1 статьи 79 Договора о создании ЕАЭС закреплены следующие принципы взаимодействия государств-членов ЕАЭС в сфере энергетики:

1. Обеспечение рыночного ценообразования на энергетические ресурсы. Данный принцип предполагает реализацию посредством закрепления норм, обеспечивающих действие механизмов рыночного ценообразования, как на уровне внутригосударственного правового регулирования стран, участвующих в ЕАЭС, так и посредством такого инструмента, как право ЕАЭС. По своей сути реализация названного принципа означает предоставление равных возможностей субъектам хозяйствования, в том числе национальным операторам или организациям, эксплуатирующим объекты энергетической отрасли, например такие, как нефтепроводы или газопроводы. Вместе с тем, следует отметить, что реализация этого принципа может быть затруднена из-за наличия различий в подходе к ценообразованию в каждой из стран, участвующих в ЕАЭС.

2. Обеспечение развития конкуренции на общих рынках энергетических ресурсов. Реализация данного принципа возможна на основе права ЕАЭС в части, касающейся естественных монополий и национального законодательства государств-членов ЕАЭС. Правовые средства реализации данного принципа базируются на объективно существующих отношениях в

сфере добычи, производства и доставки различных видов энергетических ресурсов в каждой отдельно взятой стране, участвующей в ЕАЭС. Кроме того, реализация этого принципа осложняется очевидной демонстрацией национальных интересов и стремлением к их защите в международно-правовых отношениях.

3. Отсутствие технических, административных и прочих препятствий торговле энергетическими ресурсами, соответствующим оборудованием, технологиями и связанными с ними услугами. Из всех других принципов, закрепленных в Договоре о создании ЕАЭС, этот принцип может быть анонсирован в качестве наиболее сложного и проблемного по своему содержанию. Очевидно, что принцип вмещает в себя две составляющие: а) техническую, как вспомогательную, но важную в плане обеспечения технологических процессов в сфере энергетики необходимых для производства, доставки потребителю и потребления энергетических ресурсов; б) административную, относящуюся к области управленческих решений, происходящих из области отраслевого управления и регулирования и корпоративного права. Таким образом, в действующей редакции названный принцип отличается декларативностью и проблематикой с точки зрения перспектив его реализации. По своей же сути принцип охватывает весь спектр правоотношений в сфере энергетики, включая такие основные гражданско-договорные формы, как договор энергоснабжения и договор, опосредующий доставку нефти, нефтепродуктов и газа трубопроводным транспортом.

4. Обеспечение развития транспортной инфраструктуры общих рынков энергетических ресурсов. Реализация данного принципа возможна при условии создания общих рынков энергетических ресурсов. Данный процесс сложный и продолжительный по времени и поэтому заявленный принцип отражает в большей степени динамику процесса интеграционного взаимодействия в целом, а также состояние энергетики стран, участвующих в интеграции. Кроме того, по сути можно говорить и об интеграционном

взаимодействии в транспортной сфере, как взаимодействию, направленном на достижение основных целей, связанных с областью энергетики. Реализация данного принципа потребует использование потенциала международных соглашений с участием государств-членов ЕАЭС.

5. Обеспечение недискриминационных условий для хозяйствующих субъектов государств-членов на общих рынках энергетических ресурсов. Данный принцип тесно переплетается с принципом, направленным на обеспечение развития конкуренции на общих рынках энергетических ресурсов, но лишь с той оговоркой, что относится не только к субъектам естественных монополий, но и в целом к хозяйствующим субъектам государств-членов ЕАЭС. Вместе с тем, о реализации данного принципа можно говорить лишь при условии наличия общих подходов к решению вопросов, касающихся выработки юридических маркеров, способных идентифицировать те или иные условия хозяйствования в качестве условий, нарушающих права и законные интересы хозяйствующих субъектов стран, участвующих в ЕАЭС.

6. Создание благоприятных условий для привлечения инвестиций в энергетический комплекс государств-членов ЕАЭС. Реализация данного принципа основывается на внутригосударственном законодательстве участвующих в ЕАЭС стран, а также на праве ЕАЭС (статья 6 раздела 2 Договора о создании ЕАЭС). Важное значение имеют положения, содержащиеся в разделе XV Договора о создании ЕАЭС «Торговля услугами, учреждение, деятельность и осуществление инвестиций». Целью данного раздела является обеспечение свободы торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций в рамках ЕАЭС в соответствии с условиями этого раздела и приложения № 16 к Договору. Правовые основы регулирования торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций в государствах членах ЕАЭС определяются приложением № 16 к Договору о создании ЕАЭС.

7. Гармонизация национальных норм и правил функционирования технологической и коммерческой инфраструктуры общих рынков энергетических ресурсов. Названный принцип один из наиболее объемных по содержанию, поскольку охватывает правовую регламентацию технологического и коммерческого обеспечения элементов энергетических систем вовлеченных в интеграционное пространство государств-членов ЕАЭС. Особенно важным и первостепенным представляется гармонизация в области технологического обеспечения, так как большинство энергетических объектов, например, таких как магистральные трубопроводы, отличаются чрезвычайно большой технологичностью и зависимостью от нормативно-технического регулирования.

Ознакомление с принципами взаимодействия государств-членов ЕАЭС в сфере энергетики позволяет сделать следующие выводы:

- Закрепленные в Договоре о создании ЕАЭС принципы взаимодействия могут быть охарактеризованы как сложносоставные, поскольку, как правило, охватывают одновременно несколько сфер интеграционного взаимодействия.

- Реализация принципов взаимодействия в сфере энергетики основывается на необходимости применения норм внутригосударственного законодательства и положений международных договоров в рамках ЕАЭС, а также международных договоров ЕАЭС с третьей стороной.

3 ОТРАСЛЕВЫЕ ИНСТИТУТЫ В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУТОВ ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ И ИНТЕГРАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

3.1. Правосудие ЕАЭС: состояние и перспективы

Создание Суда ЕАЭС необходимо рассматривать в несколько этапов. Первый этап связан с учреждением Суда СНГ, который с 3 марта 2004 г. по 2010 г. фактически выполнял функции Суда ЕврАзЭС. Суд ЕврАзЭС был создан на основе двух основополагающих договоров – Статута Суда Евразийского экономического сообщества от 5 июля 2010 г. и Договора об обращении в суд Евразийского экономического сообщества хозяйствующих субъектов по спорам в рамках Таможенного союза и особенности судопроизводства по ним от 9 декабря 2010 г. За три года Судом ЕврАзЭС было рассмотрено 18 дел. В 2012 г. государствами-членами был заключен протокол к Статуту, позволивший обращаться в Суд также хозяйствующим субъектам, зарегистрированным в государствах, не входящих в Таможенный Союз.

29 мая 2014 г. в Астане был подписан Договор о Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС). Руководящими органами Союза являются Высший Евразийский экономический совет, Евразийский межправительственный совет, Евразийская экономическая комиссия и Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд ЕАЭС, Суд Союза, Суд) [47]. Динамичное развитие ЕАЭС создает необходимость разработки и активного развития правовых инструментов, а также механизмов разрешения споров, которые могут возникнуть при активизации его деятельности.

С учетом многообразия интеграционных объединений интеграционное правосудие может приобретать различные формы и функционировать на основе различных моделей: интеграционный

арбитраж (третейские суды, формируемые государствами-членами интеграционного объединения *ad hoc*), квазисудебные органы интеграционного правосудия (обладают юрисдикционными полномочиями по рассмотрению дела и вынесению решения, но де-юре не являются судебными органами) и интеграционные судебные органы.

Суд ЕАЭС также как и Европейский Суд по правам человека и Суд Европейского Союза относится к международным судам второго поколения. Классические суды (Международный Суд ООН) рассматривают только межгосударственные споры. Суды второго поколения наделены также и обязательной юрисдикцией по рассмотрению жалоб частных лиц, что является их основной функцией [48].

Несмотря на непродолжительный период существования Суда ЕАЭС, в юридической литературе наблюдается некоторая дифференциация взглядов на его правовую природу. Одни полагают, что Суд ЕАЭС следует рассматривать в качестве правопреемника Суда ЕврАзЭС [49, с. 245]. Другие, напротив, говорят о том, что Договор о ЕАЭС предусматривает создание нового Суда Союза. Так, по мнению А.С. Исполинова, «Суд Союза будет судом регионального интеграционного объединения, в котором уже закончен первый этап формирования единого внутреннего рынка – успешно завершено создание Таможенного Союза» [50, с. 80]. Подобной точки зрения придерживаются также А.В. Малько и В.В. Елистратова [51, с. 103].

Был принят новый Статут Суда ЕАЭС в виде приложения № 2 к Договору о Союзе и новый Регламента Суда. Согласно положениям Статута, изменился порядок формирования Суда. Если судьи Суда ЕврАзЭС избирались Межпарламентской Ассамблеей по представлению Межгосударственного Совета, то судьи Суда ЕАЭС, согласно п. 10 Статута Суда, назначаются (освобождаются) на должность Высшим Евразийским экономическим советом, который состоит из глав

государств-членов Союза, по представлению государств-членов. Это, с одной стороны, повышает статус судей Суда, а с другой, указывает на возможность контроля за процессом назначения (освобождения) судей на должность. Регламент Суда, определяющий порядок и условия организации деятельности Суда, согласно новому Статуту, утверждается не самим Судом, а решением Высшего Евразийского экономического совета.

Изменения коснулись и компетенции Суда ЕАЭС. В частности, были ограничены возможности Суда по толкованию вынесенных им решений и нормотворчеству. Это связано, в том числе, с предшествующей деятельностью Суда ЕврАзЭС, который, по мнению государств-членов Сообщества и исследователей в области международного права, создал прецедент так называемого «судейского активизма» (решение Суда ЕврАзЭС по делу ОАО «Угольная Компания «Южный Кузбасс» против Евразийской Экономической Комиссии от 5 сентября 2012 г.).

Современная доктрина судейского активизма исходит из политической роли судей, которые призваны действовать тогда, когда в законодательстве не урегулированы конкретные правоотношения, либо когда принимаемые нормативные правовые акты нарушают основополагающие конституционные ценности [52]. Применительно к международным судам под судейским активизмом понимают случаи, когда суд выходит в своих решениях за пределы формулировок, сферы действия и намерений государств, заключивших Договор, положения которого толкуются и применяются этим судом. Суд ЕврАзЭС истолковал норму Договора таким образом, при котором она стала порождать последствия, не предусмотренные самим Договором, в том числе и в национальных правовых порядках, проявив, тем самым довольно категоричную позицию в отношении юридической силы выносимых им решений и их толкования. Это вызвало определенную критику как со

стороны договорившихся государств, так и со стороны исследователей, по мнению которых государства, заключившие Договор, являются его полноценными властителями (Masters of the Treaty), даже если этим договором предусмотрено создание межрегионального (наднационального) суда, задачей которого будет применение Договора. Государства-члены Союза самостоятельно определяют пределы и юрисдикцию Суда, а также устанавливают порядок исполнения вынесенных им решений. В этой связи в п. 102 Статута Суда ЕАЭС закреплено правило о том, что решение Суда не носит прецедентный характер, то есть не изменяет, не отменяет и не создает новых правовых норм ЕАЭС.

Суд ЕврАзЭС был наделен компетенцией по вынесению преюдициальных и консультативных заключений. Статут Суда ЕАЭС исключил полномочие по вынесению преюдициальных заключений по запросам национальных судов.

Преюдициальная юрисдикция суда заключается в полномочии выносить заключения по вопросам применения права интеграционных объединений в ответ на запросы национальных судов при рассмотрении ими споров с участием частных лиц в случае, если эти вопросы существенно влияют на разрешение дела по существу. Направив такой запрос, национальный суд приостанавливает судебный процесс, а решение по существу выносит уже после получения заключения, опираясь на выводы международного суда. Преюдициальная юрисдикция, таким образом, является важнейшим инструментом, обеспечивающим развитие интеграции, поскольку способствует единообразному пониманию и применению норм права интеграционного объединения национальными судами. В этой связи Т.Н. Нешатаева считает неудачным исключение данного полномочия из юрисдикции Суда ЕАЭС, поскольку, по ее мнению, «механизм снятия противоречия до зарождения юридического спора на стадии конфликта

при толковании писанных норм является своего рода предотвращением развития конфликтного правоотношения исключительно правовыми способами через судебное толкование норм международного права». В то же время А.С. Исполинов еще в отношении практики вынесения преюдициальных заключений Судом ЕврАзЭС указывал на неэффективность механизма предварительных заключений Суда в силу того, что право на обращение в суд с таким запросом было дано лишь высшим судам государств-членов Сообщества, которые, к слову сказать, воспользовались данным правом лишь единожды.

В настоящее время Суд ЕАЭС наделен полномочиями по вынесению консультативных заключений по вопросам толкования и применения международно-правовых норм, носящих рекомендательный характер, по запросам государств-членов Союза и его институтов.

Анализ норм Статута, определяющих компетенцию Суда, позволяет сделать вывод о несовершенстве п. 2 главы III Статута, согласно которому в компетенцию Суда входит рассмотрение споров о соответствии решений или об оспаривании действий (бездействий) Комиссии, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности лишь по заявлению хозяйствующих субъектов. Под хозяйствующими субъектами понимаются юридические лица или индивидуальные предприниматели. Таким образом, вне юрисдикции Суда остаются граждане, общественные организации, профсоюзы, права и законные интересы которых также могут быть затронуты решением или действием (бездействием) Комиссии. Н.А. Соколова считает это существенным недостатком в работе Суда, так как «чем более активным является взаимодействие с Судом Союза индивидов, тем более прочными становятся интеграционные связи» [53, с. 100]. Отсутствие каталога прав человека на евразийском уровне и, соответственно, невозможность широкой защиты позволяют

присоединиться к выводу о том, что «в системе защиты прав человека на уровне <...> Союза существуют серьезные изъяны» [54, с. 17].

Суд ЕАЭС состоит из шести судей (по два судьи от каждого государства) и уполномочен рассматривать дела в составе Большой коллегии Суда, Коллегии Суда и Апелляционной палаты Суда. К юрисдикции Большой коллегии Суда относится рассмотрение дел по заявлению государств-членов ЕАЭС. Дела в данном случае рассматриваются Судом в полном составе. Решение Суда является окончательным и обжалованию не подлежит. Коллегия Суда рассматривает дела по заявлению хозяйствующего субъекта. В состав Коллегии включаются по одному судье от каждого государства-члена поочередно по фамилии судьи, начиная с первой буквы русского алфавита. Решение Коллегии может быть обжаловано в Апелляционную палату Суда.

А.О. Четвериков отмечает, что учредительные документы большинства интеграционных объединений предусматривают минимальные гарантии независимости, свойственные как для международных, так и для национальных судебных органов: правила в отношении конфликта интересов (несовместимость должностей и запрет заниматься любым коммерческим или политическим видом деятельности); наделение судей привилегиями и иммунитетами; организационная и процессуальная автономия органов интеграционного правосудия [55, с. 165].

В этой связи вызывает определенные вопросы институт апелляционного обжалования решений Суда ЕАЭС. Заявления об обжаловании решений Коллегии Суда рассматривает Апелляционная палата Суда, в состав которой входят три судьи Суда, не принимавшие участия при первоначальном рассмотрении дела, решение по которому обжалуется. То есть в саму конструкцию Суда заложена некая фикция двухуровневого рассмотрения дела: ни состав Коллегии Суда, ни состав

Апелляционной палаты Суда не являются постоянно действующими, а создаются ad hoc в рамках срока полномочий судей на время рассмотрения (пересмотра) конкретного дела. В этой связи возможной представляется реформа апелляционного механизма Суда, так как существует вероятность того, что судьи при пересмотре дела могут быть «скованы» доводами своих коллег по поводу первоначального рассмотрения дела, то есть имеется конфликт интересов. К слову, в практике Суда еще не было случая, чтобы Апелляционная палата не согласилась с мнением первой инстанции [56]. Решение палаты является окончательным и обжалованию не подлежит.

В Статуте также предусмотрен институт особого мнения судьи, которое судья вправе заявить и представить в течение пяти дней со дня оглашения решения Суда в случае несогласия с решением Суда или его отдельными положениями (ст. 79 Регламента Суда ЕАЭС). Интересно, что в качестве специфической гарантии независимости судей многие рассматривают запрет особых мнений, который, с одной стороны, может ограничивать свободу усмотрения судей, но, с другой стороны, лишает государства контролировать позицию так называемых «своих» судей и применять к ним различные «меры воздействия». Указанная гарантия получила распространение в практике Суда ЕС, где, по мнению М.М. Бирюкова, «сохраняется абсолютная секретность судебных дебатов» [57, с. 201].

Таким образом, Суд ЕАЭС создается на уже достаточно подготовленной базе с учетом опыта Суда СНГ и Суда ЕврАзЭС. По нашему мнению, Суд ЕАЭС является новым межгосударственным интеграционным образованием со своим Статутом и Регламентом деятельности. В Суде ЕАЭС изменен порядок назначения и освобождения судей на должность, срок их полномочий, регламентирован вопрос, касающийся юрисдикции суда, в сторону ее ограничения. Представляется, что реформированию подлежит институт

апелляционного пересмотра дела, так как при существующем порядке имеется риск возникновения конфликта интересов между судьями в процессе осуществления правосудия.

3.2 Техническое регулирование в сфере энергетики в рамках Евразийского экономического союза (прелиминарные положения)

Интеграционное взаимодействие в сфере энергетики, осуществляемое в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) обеспечивается многими правовыми институтами, позволяющими создать условия для эффективного функционирования энергетики стран, участвующих в ЕАЭС. Одним из таких институтов является институт технического регулирования, структурированный на уровне национальных законодательств и права ЕАЭС.

Правовые основы технического регулирования ЕАЭС закреплены в Договоре об учреждении этого интеграционного объединения, иных актах ЕАЭС и включают в себя:

- Раздел X «Техническое регулирование» Договора о ЕАЭС.
- Приложение № 9 к Договору о ЕАЭС.
- Соглашение о единых принципах и правилах технического регулирования в Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации от 18 ноября 2010 г.
- Положение о порядке разработки, принятия, внесения изменений и отмены технического регламента Таможенного союза.

Процесс технического регулирования в сфере энергетики в рамках ЕАЭС следует рассматривать как один из элементов единой системы технического регулирования в ЕАЭС. Вместе с тем, страны, участвующие в ЕАЭС, техническое регулирование в сфере энергетики рассматривают в качестве одного из приоритетных направлений общего процесса интеграционного взаимодействия и самой системы технического регулирования. В соответствии с п. 1 ст. 52 Договора в целях защиты жизни и (или) здоровья человека, имущества, окружающей среды, жизни и (или) здоровья животных и растений, предупреждения действий, вводящих в заблуждение потребителей, а также в целях обеспечения энергетической

эффективности и ресурсосбережения в рамках Союза принимаются технические регламенты Союза.

Техническое регулирование строится на закрепленных в Договоре (ст. 51) принципах:

- установление обязательных требований к продукции или продукции и связанным с требованиями к продукции процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации;

- установление единых обязательных требований в технических регламентах Союза или национальных обязательных требований в законодательстве государств-членов к продукции, включенной в единый перечень продукции, в отношении которой устанавливаются обязательные требования в рамках Союза;

- применение и исполнение технических регламентов Союза в государствах-членах без изъятий;

- соответствие технического регулирования в рамках Союза уровню экономического развития государств-членов и уровню научно-технического развития;

- независимость органов по аккредитации государств-членов, органов по подтверждению соответствия государств-членов и органов по надзору (контролю) государств-членов от изготовителей, продавцов, исполнителей и приобретателей, в том числе потребителей;

- единство правил и методов исследований (испытаний) и измерений при проведении процедур обязательной оценки соответствия;

- единство применения требований технических регламентов Союза независимо от видов и (или) особенностей сделок;

- недопустимость ограничения конкуренции при осуществлении оценки соответствия;

- осуществление государственного контроля (надзора) за соблюдением требований технических регламентов Союза на основе гармонизации законодательства государств-членов;

- добровольность применения стандартов;

- разработка и применение межгосударственных стандартов;

- гармонизация межгосударственных стандартов с международными и региональными стандартами;

- единство правил и процедур проведения обязательной оценки соответствия;

- обеспечение гармонизации законодательства государств-членов в части установления ответственности за нарушение обязательных требований к продукции, правил и процедур проведения обязательной оценки соответствия;

- проведение согласованной политики в области обеспечения единства измерений в рамках Союза;

- недопущение установления избыточных барьеров для ведения предпринимательской деятельности;

- установление переходных положений в целях поэтапного перехода на новые требования и документы.

Закрепленные в Договоре о ЕАЭС принципы обнаруживают следующие существенные положения:

Область технического регулирования в ЕАЭС по сути не ограничивается какими-то рамками за отдельным исключением, на которое указывается в п. 2 ст. 51 Договора.

- Институт технического регулирования совмещает в себе с одной стороны, положения, по установлению единых обязательных требований, а с другой стороны, обнаруживает стремление учитывать внутригосударственные особенности экономик и законодательства стран, участвующих в ЕАЭС.

- Приоритет принципов над возможными исключениями, происходящими из области внутригосударственного регулирования.

Стремление к проектированию устойчивых и транспарентных юридических конструкций института технического регулирования при одновременном допущении возможных изъятий из-за декларативности отдельных принципов.

- Идентификация ряда принципов, в качестве принципов, отличающихся наличием в них признаков прогнозирования или планирования, как правило, касающихся гармонизации законодательства стран, участвующих в ЕАЭС и национального нормотворчества.

- Возможность использования опыта правового обеспечения интеграционного взаимодействия в части разработки и применения различных стандартов. Одной из наиболее эффективных форм гармонизации законодательства может стать договорная унификация законодательства – создание при помощи международных договоров единых норм, подлежащих включению в систему применяемых государством правовых предписаний и обеспечивающих преодоление различий в регулировании какого-либо рода отношений. Такой международный договор может содержать как нормы прямого действия, так и определять лишь общие параметры будущих правовых предписаний, чье конкретное содержание формулируется заинтересованными сторонами позднее. При таком подходе в полной мере реализуется принцип взаимного признания. Данный метод гармонизации особенно эффективен в сфере стандартов.¹

Порядок, правила и процедуры технического регулирования в рамках ЕАЭС устанавливаются согласно приложению № 9 к Договору о ЕАЭС. Пункт 2 Протокола закрепляет основные понятия, используемые в тексте Договора и иных актах, относящихся к техническому регулированию, в том числе:

¹ Исаев, Д. Основные теории гармонизации законодательства в процессе формирования общих пространств Россия – ЕС / Д. Исаев. – Российско-Европейский Центр Экономической Политики (РЕЦЭП). – Москва, 2005. – С. 6-7.

- «идентификация продукции» - процедура отнесения продукции к области применения технического регламента Союза и установления соответствия продукции технической документации на данную продукцию;
- «межгосударственный стандарт» - региональный стандарт, принятый Межгосударственным советом по стандартизации, метрологии и сертификации Содружества Независимых Государств;
- «международный стандарт» - стандарт, принятый международной организацией по стандартизации;
- «национальный (государственный) стандарт» - стандарт, принятый органом по стандартизации государства-члена;
- «объект технического регулирования» - продукция или продукция и связанные с требованиями к продукции процессы проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации;
- «обязательная сертификация» - форма обязательного подтверждения органом по сертификации соответствия объектов технического регулирования требованиям технических регламентов Союза;
- «оценка соответствия» - прямое или косвенное определение соблюдения требований, предъявляемых к объекту технического регулирования;
- «региональный стандарт» - стандарт, принятый региональной организацией по стандартизации;
- «стандарт» - документ, в котором в целях многократного использования устанавливаются характеристики продукции, правила осуществления и характеристики процессов проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, выполнения работ или оказания услуг, правила и методы исследований (испытаний) и измерений, правила отбора образцов, требования к терминологии, символике, упаковке, маркировке или этикеткам и правилам их нанесения;

- «технический регламент Союза» - документ, принятый Комиссией (Евразийская экономическая комиссия) и устанавливающий обязательные для применения и исполнения на территории Союза требования к объектам технического регулирования. В качестве примера, относящегося к области энергетики можно привести ТР ТС 004/2011 «О безопасности низковольтного оборудования» и ТР ТС 013/2011 «О требованиях к автомобильному и авиационному бензину, дизельному и судовому топливу, топливу для реактивных двигателей и мазуту»;

- «техническое регулирование» - правовое регулирование отношений в области установления, применения и исполнения обязательных требований к продукции или к продукции и связанным с требованиями к продукции процессами проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, а также правовое регулирование отношений в области оценки соответствия.

В контексте рассматриваемой темы наибольший интерес вызывает значение и смысловое содержание ключевого термина «техническое регулирование». По смыслу изложенного в Протоколе № 9 понятия техническое регулирование означает:

- Регулирование рассматриваемых отношений нормативными правовыми актами, среди которых основу составляют технические нормативные правовые акты. Данный подход характерен для энергетики, например, трубопроводной отрасли, где в силу высокой технологичности процесса перемещения нефти, нефтепродуктов и газа отношения по хранению, учету, очистке и иные связанные с ними отношения также регулируются техническими нормами и правилами. Так, правила технической эксплуатации магистральных газопроводов устанавливают технические нормы и правила эксплуатации объектов магистральных газопроводов, требования к технической документации и организации работы персонала магистральных газопроводов. Правила не ограничиваются

регламентацией только лишь линейной части магистральных газопроводов, объекты которой непосредственно обеспечивают перемещение газа, но регламентируют и подземные хранилища газа (ПХГ), предназначенные для регулирования неравномерности газопотребления, связанной с сезонными колебаниями спроса на газовое топливо, а также для образования в основных газопотребляемых регионах оперативного и строительного резервах запасов топлива для поддержания стабильности межгосударственных и транзитных экспортных поставок газа. Правила регламентируют также деятельность газораспределительных станций (ГРС, АГРС), сооружаемых на газопроводах-отводах и предназначенных для подачи газа промышленным предприятиям и населенным пунктам с определенным его давлением, степенью очистки, одоризации и измерения объемного расхода газа, а при необходимости, контроля показателей качества.² Таким образом, для трубопроводной отрасли, чрезвычайно технологичной и насыщенной специальным инженерным оборудованием, техническое регулирование является гарантом эффективного функционирования этой отрасли.

- Направленность правового регулирования на достаточно широкий круг объектов идентифицируемых в качестве объектов технического регулирования. С точки зрения правового регулирования отношений в сфере энергетики наиболее актуальным является та ее сфера, в которой осуществляются производственные и технологические процессы, связанные с обеспечением производства энергетических ресурсов, а равно их передачей и потреблением.

- В институте технического регулирования особым образом выделяются отношения в области оценки соответствия, что подчеркивает дуализм правового регулирования: а) правовое регулирование отношений в области установления, применения и исполнения обязательных требований; б) правовое регулирование отношений в области оценки соответствия.

² Богоненко, В.А. Правовое регулирование доставки газа магистральными трубопроводами / В.А.Богоненко. – Минск, «Технопринт», 2004. – С. 19.

При всем том, что Договор о ЕАЭС и приложение № 9 устанавливают достаточно широкий круг объектов технического регулирования предусмотрено изъятие из общего правила: в соответствии с п. 3 Протокола (приложение № 9) особенности технического регулирования в отношении продукции (работ, услуг) и объектов, для которых устанавливаются требования, связанные с обеспечением безопасности в области использования атомной энергии устанавливаются законодательством государств-членов ЕАЭС. Вместе с тем, следует отметить, что согласно п. 6 приложения № 3 к постановлению Межпарламентской Ассамблеи ЕврАзЭС от 11.04.2013 № 15-12 были сформулированы рекомендации по гармонизации законодательства государств-членов ЕврАзЭС в части требований к учету используемых природных ресурсов, государственным кадастрам природных ресурсов, государственным кадастрам участков загрязнения окружающей среды, государственным кадастрам отходов производства и потребления, государственным кадастрам захоронений вредных и радиоактивных веществ.

Обязательные для применения и исполнения на территории Союза требования к объектам технического регулирования содержатся в технических регламентах Союза. В качестве основы для разработки технических регламентов применяются соответствующие международные стандарты (правила, директивы, рекомендации и иные документы, принятые международными организациями по стандартизации), за исключением случаев, когда соответствующие документы отсутствуют или не соответствуют целям принятия технических регламентов Союза, в том числе вследствие климатических и географических факторов или технологических и других особенностей. В случае отсутствия необходимых документов применяются региональные документы (регламенты, директивы, решения, стандарты, правила и иные документы), национальные (государственные) стандарты, национальные технические регламенты или их проекты.

Технический регламент Союза разрабатывается с учетом рекомендаций

по содержанию и типовой структуре технического регламента Союза, утверждаемых Евразийской экономической комиссией. Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 21.08.2015 г. № 50 утверждены Рекомендации по содержанию и типовой структуре технического регламента Евразийского экономического союза. Рекомендации разработаны в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, Регламентом работы Евразийской экономической комиссии, утвержденным Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 98, определяют содержание и типовую структуру технического регламента Евразийского экономического союза и учитываются при разработке технических регламентов Союза.

В соответствии с п. 4 Рекомендаций Технический регламент Союза может содержать следующие разделы:

- «Область применения»;
- «Основные понятия»;
- «Правила идентификации продукции»;
- «Правила обращения продукции на рынке Евразийского экономического союза и (или) правила ввода в эксплуатацию»;
- «Требования к объектам технического регулирования»;
- «Обеспечение соответствия объектов технического регулирования требованиям технического регламента Евразийского экономического союза»;
- «Оценка соответствия объектов технического регулирования»;
- «Маркировка единым знаком обращения продукции на рынке Евразийского экономического союза»;
- «Порядок введения в действие технического регламента Евразийского экономического союза и переходные положения».

В техническом регламенте Союза допускается приводить ссылки на международные договоры или соглашения в случае, если все государства – члены Союза являются участниками таких международных договоров или соглашений.

Согласно п. 10 Рекомендаций, технический регламент Союза не должен содержать требования к конструкции продукции, являющейся объектом технического регулирования технического регламента Союза, за исключением случаев, если установление таких требований необходимо для защиты жизни и (или) здоровья человека, имущества, окружающей среды, жизни и (или) здоровья животных и растений, предупреждения действий, вводящих в заблуждение потребителей, а также обеспечения энергетической эффективности и ресурсосбережения.

В случае если установление в техническом регламенте Союза требований к конструкции продукции, являющейся объектом технического регулирования технического регламента Союза, необходимо для защиты жизни и (или) здоровья человека, имущества, окружающей среды, жизни и (или) здоровья животных и растений, предупреждения действий, вводящих в заблуждение потребителей, а также обеспечения энергетической эффективности и ресурсосбережения, в разделе «Требования к объектам технического регулирования» допускается приведение таких требований непосредственно.

Пункт 3 Протокола (приложение № 9) предусмотрел, что для объектов технического регулирования, в отношении которых не вступили в силу технические регламенты ЕАЭС, действуют нормы законодательства государств-членов ЕАЭС или актов Евразийской экономической комиссии.

В соответствии с п. 4 Протокола (приложение № 9 к Договору о ЕАЭС) в целях выполнения требований технического регламента Союза Евразийская экономическая комиссия утверждает перечень международных и региональных (межгосударственных стандартов), а в случае их отсутствия – национальных (государственных) стандартов.

Из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. С точки зрения идентификации норм права, содержащихся в технических нормативных правовых актах можно говорить о субинституте технического регулирования в сфере энергетики, структурированного в

рамках института технического регулирования ЕАЭС, как общепромышленного технического регулирования.

2. Правовой основой технического регулирования в сфере энергетики, осуществляемого в ЕАЭС, является в целом право ЕАЭС, в том числе специальные акты ЕАЭС, нормы которых содержат общие положения о техническом регулировании.

3. Право ЕАЭС в части, касающейся энергетики, не содержит специальных актов, устанавливающих порядок технического регулирования в сфере энергетики. Например, нормы о техническом регулировании в сфере энергетики, могут быть помещены в специальном приложении к договору о ЕАЭС.

4. Поскольку правоотношения в сфере энергетики, чаще всего, по доставке нефти и газа магистральными трубопроводами, осложнены иностранным элементом, важнейшим регулятором выступают специальные международные договоры, которые, как правило, регулируют весь спектр данных отношений. При заключении международного договора ЕАЭС с третьей стороной, следует в обязательном порядке учитывать возможное наличие противоречий между международным договором и Договором о ЕАЭС и то, что при возникновении таких противоречий приоритет имеет Договор о ЕАЭС.

5. Закрепленные в Договоре о ЕАЭС принципы технического регулирования охватывают не только сферу собственно технического регулирования, но и распространяются на иные, связанные с ними области деятельности, например, сферу промышленного производства и предпринимательскую деятельность. Таким образом, данные принципы носят универсальный и всеобъемлющий характер.

3.3 Кластерная политика ЕС и ЕАЭС на транснациональном уровне в сфере энергетики: сравнительно-правовой аспект

В связи с перманентным проявлением обострения межгосударственной конкуренции в энергетическом секторе экономики в последнее время все большую актуальность приобретают идеи о кластерной модели его развития. И если экономическое обоснование рациональности, определение преимуществ и недостатков создания кластеров в данной сфере активно проводится в научной литературе, то правовое обоснование еще требует детальной проработки.

В отечественной юридической доктрине исследование правовых вопросов, связанных с реализацией кластерной политики, созданием и функционированием кластеров, находятся практически в зачаточном положении. Нельзя сказать при этом, что правовые аспекты экономической теории кластеров подверглись активной разработке и в научной литературе стран-участниц Евразийского экономического сообщества (далее – ЕАЭС). Вместе с тем необходимо выделить работы таких авторов, как: О.Ю. Ворожбит, Н.Ю. Титова, Т.А. Полещук, В.Е. Зиглина [58], И.В. Михеева, А.С. Логинова [59], Т. А. Скворцова, Е. А. Паршина [60] и др.

Отсутствие серьезной разработки в правовой науке указанных проблем негативным образом сказывается на формировании стабильной законодательной базы. Так, в Республике Беларусь, законодательство о кластерах действует только на нормативно-методическом уровне концепций, стратегий и программ развития. На данный момент оно представлено двумя нормативными правовыми актами Совета Министров Республики Беларусь: Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2016 - 2020 годы [61]; Концепция формирования и развития инновационно-промышленных кластеров [62].

Одним из наиболее успешных в мировой практике опыт по реализации кластерной политики на транснациональном уровне – опыт европейских

стран, особенно в Европейском союзе (далее – ЕС). В последнее время активно обсуждается возможность реализации кластерной модели развития единого экономического пространства в рамках ЕАЭС в различных сферах, в том числе в сфере энергетики. Целью настоящего исследования является сравнительно-правовой анализ правового обеспечения кластерной политики в ЕС и ЕАЭС и обоснование возможности на ее основе реализации кластерного подхода в сфере энергетики.

Под государственной кластерной политикой понимается составная часть государственной социально-экономической политики, представляющая собой комплекс осуществляемых государством организационных, экономических и правовых мер, направленных на формирование и развитие кластеров в целях повышения конкурентоспособности национальной экономики [62].

Поскольку кластерная политика является составной частью государственной политики в целом, она направлена на достижение устойчивого экономического развития определенных регионов посредством создания системы мер, обеспечивающих успешное взаимодействие участников соответствующих кластеров на основе эффективной конкуренции.

По сути, кластерная политика – альтернатива промышленной политики, в рамках которой невозможно создать эффективный механизм необходимых мер, способных обеспечить конкуренцию, поскольку здесь государственная поддержка направлена на конкретные отрасли экономики или даже отдельные предприятия.

В качестве одного из сущностных признаков кластера большинством ученых признается признак территориальной (географической) локализации. В частности, классическое определение, данное М. Портером, базируется на территориальном признаке, поскольку под кластером понимается: «Сконцентрированные по географическому признаку группы взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, поставщиков

услуг, фирм в родственных отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций (например, университетов, агентств по стандартизации, торговых объединений) в определенных областях, конкурирующих, но при этом ведущих совместную работу» [63, с. 256]. Как отмечает А.К. Лебедева, наряду с кластеризацией регионализация выступает одной из закономерностей современного развития экономики [64, с. 104].

Вместе с тем подобная географическая локализация заинтересованных в сотрудничестве компаний может пониматься по-разному. Так, первоначально идея кластерного подхода к развитию экономики обосновывалась применительно к внутригосударственному урону. В литературе подчеркивается, что региональный кластер, функционирующий в определенной отрасли, способствует экономическому росту конкретного региона, посредством объединения производственных предприятий, научно-исследовательских и финансовых институтов, государственных органов [64, с.104]. Тем не менее сам М. Портер четко не указывал какими могут быть границы географического охвата кластера, поскольку признавал, что «территориальный охват кластера может варьироваться от одного города или штата (региона) до страны и даже нескольких соседствующих стран» [63, с.258].

Именно в государственной кластерной политике отдельного государства устанавливаются соответствующие меры, направленные на идентификацию кластеров, определение сфер их функционирования, создание органов, обеспечивающих государственную поддержку и т.п. [65, с. 122].

Однако в современных условиях глобализации экономических связей все большую актуальность приобретает транслирование кластерного подхода на уровень транснациональных отношений. В таких условиях актуальным становится выработка наднациональной кластерной политики в рамках конкретного регионального сотрудничества. Стратегической задачей развития экономики Республики Беларусь на современном этапе является

расширение трансграничного сотрудничества в различных сферах, особенно в рамках ЕАЭС.

Одной из целей создания ЕАЭС декларируется всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик.

Однако, что касается сотрудничества в энергетической сфере, то истинной интеграции государства-участники ЕАЭС здесь, так и не смогли достичь. При этом усугубляющим фактором является и то, что взаимоотношения сторон строятся не на многосторонней, а на двусторонней основе [66]. Это еще больше сдерживает сотрудничество в целом на региональном уровне в рамках Единого экономического пространства и Таможенного союза.

Интеграция в энергетическом секторе существенно замедлилась. На этом фоне каждое государство-участник ЕАЭС, несмотря на единообразное понимание целей и задач создания союза, стремится извлечь максимальные выгоды непосредственно для себя. Как считает И.Е. Матвеев: «Наблюдается снижение скорости интеграционных процессов из-за роста «экономического эгоизма». В ряде случаев компромиссы расцениваются как ущемление суверенитета» [67]. Особенно это ярко прослеживается на уровне взаимодействия государств по формированию общих энергетических рынков.

Тем не менее, государства-участники ЕАЭС определили временные рамки реализации стратегических планов по созданию общего рынка энергоресурсов ЕАЭС, в частности: общий рынок электроэнергии до 1 июля 2019 г., а общий рынок нефти и нефтепродуктов, газа до 1 января 2025 г.

В данной области на сегодняшний момент действуют несколько рамочных соглашений, выступающих в качестве единой нормативной базы. Так, с 1 января 2015 года действует Договор о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор о ЕАЭС). В соответствии со ст. 79 государства-члены развивают долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество в сфере

энергетики, проводят скоординированную энергетическую политику, осуществляют поэтапное формирование общих рынков энергетических ресурсов в целях эффективного использования потенциала топливно-энергетических комплексов государств-членов, а также обеспечения национальных экономик основными видами энергетических ресурсов (электроэнергия, газ, нефть и нефтепродукты) [68]. В качестве первоначального этапа 8 мая 2015 года была утверждена Концепция формирования общего электроэнергетического рынка ЕАЭС [69], а затем соответствующие шаги были предприняты и в сфере рынка нефти, нефтепродуктов и газа. В частности, 31 мая 2016 года утверждены Концепция формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов [70] и Концепция формирования общего рынка газа [71]. На их основе 6 декабря 2018 года Высший Евразийский экономический совет принял решения о формировании общих рынков нефти и нефтепродуктов [72] и общего рынка газа ЕАЭС [73].

Тем не менее поскольку на практике интеграция в энергетическом секторе не так успешна, как это прогнозируется в указанных выше документах, становится очевидным, что существующих правовых средств на сегодняшний день не достаточно.

Необходимы иные инновационные методы, способные обеспечить более эффективные результаты интегративного взаимодействия в энергетической сфере. Так, обобщенный анализ приведенных выше нормативных документов показывает, что одной из целью формирования общих рынков энергоресурсов в ЕАЭС является повышение конкурентоспособности государств-членов и Союза в целом на мировом рынке. Многими специалистами признается, что именно кластерная форма организации экономических связей в странах-членах Таможенного союза может способствовать повышению конкурентоспособности, стимулировать инновационное развитие. Единая промышленная политика в рамках ЕАЭС может стать результатом, в том числе и применения межгосударственной

кооперации кластеров, а также кластерного подхода к организации производства в рамках единого экономического пространства [74, с. 7].

Однако здесь еще предстоит выработать согласованную и скоординированную кластерную политику, предполагающую гармонизацию правового регулирования и осуществление сотрудничества государств-членов на основе общих подходов к созданию и деятельности транснациональных кластеров в рамках ЕАЭС. Для этого необходимо разработать соответствующую методическую и нормативно-правовую базу.

На данном этапе в нормативных документах ЕАЭС возможность кластерного подхода к развитию единого экономического пространства заложена лишь концептуально. Так, в соответствии с пп. 3 п. 8 ст. 92 договора о ЕАЭС создание совместных промышленных кластеров названо в качестве одного из инструментов реализации промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС [68]. В Протоколе о промышленном сотрудничестве, являющимся приложением к Договору о ЕАЭС, содержится определение промышленного кластера, где под ним понимается группа взаимосвязанных промышленных и связанных с ними организаций, взаимодополняющих друг друга и за счет этого усиливающих свои конкурентные преимущества [68].

Экономистами подчеркивается, что для создания регионального кластера необходимы объективные условия: нормативно-правовое регулирование, государственная поддержка, тесно связанные между собой предприятия, их географическая локализация в рамках региона и т.д. [64, с.104]. В частности, подобные факторы имеются в отношении рынка энергоресурсов ЕАЭС. Так, государства-участники ЕАЭС имеют общую транспортную, коммуникационную, энергетическую и другие системы. Созданные на базе ЕАЭС институты (Высший Евразийский экономический совет, Евразийский межправительственный совет, Евразийская экономическая комиссия) являются надежной инфраструктурой, способной создать необходимые условия как для разработки единой нормативно-

правовой базы, так и выработки и проведения скоординированной кластерной политики.

Внедрение кластерного подхода применительно к созданию общего рынка энергоресурсов в документах ЕАЭС непосредственно не упоминается. Однако в ст. 79 Договора о ЕАЭС в качестве одного из ключевых принципов долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества в сфере энергетики названо обеспечение развития конкуренции на общих рынках энергетических ресурсов [68]. Это, на наш взгляд, опосредованно создает правовую основу и не исключает использование кластерного подхода в качестве одной из инновационных форм развития сотрудничества стран-участниц ЕАЭС в сфере энергетики. Одной из целей формирования общих рынков энергоносителей должно стать повышение конкурентоспособности, а также усиление экономической интеграции государств-членов ЕАЭС в сфере энергетики.

Наличие конкурентно-партнерских отношений между участниками – один из сущностнообразующих признаков кластера. Как отмечает М. Портер, кластеры – результат комбинации конкуренции и кооперации, что становится возможным, поскольку они происходят между разными участниками и в разных плоскостях. Они способны влиять на конкуренцию тремя способами: увеличением производительности участников кластера, стимулированием бизнеса и управлением инновациями в регионе [63, с. 274-275, 286]. Конкуренция между участниками кластера проявляется в виде конкурентной кооперации, выступая перманентным источником обновлений [75, с. 31]. Объединение в кластер дает его участникам ряд конкурентных преимуществ.

Специалистами подчеркивается, что успешность интеграции в рамках ЕАЭС, в том числе и в сфере рынка энергоресурсов, будет зависеть от рационального отказа государств-участников от конкуренции между собой и перехода к сотрудничеству в наиболее передовых отраслях экономики, требующих значительных финансовых затрат. В частности, в отраслевой структуре инвестиций доля топливно-энергетического комплекса составляет

43% в объеме накопленных капиталовложений [76, с. 48]. Создание в соответствующих государствах-участниках ЕАЭС транснациональных кластеров может стать надежной базой для повышения конкурентоспособности общего рынка энергоресурсов с товарами и услугами третьих стран и стабилизировать положение на мировом рынке.

Поскольку ЕАЭС находится только на начальном этапе, интересным, полагаем, будет обращение к соответствующему опыту стран ЕС, лидирующих в области создания и развития как транснациональных кластеров, так и транснациональных кластерных сетей.

На сегодняшний момент в ЕС проводится единая скоординированная кластерная политика. Согласно статистическим данным в ЕС действует 2000 кластеров.

Толчком к развитию кластеров стало принятие ряда программных документов. В основе европейской кластерной политики лежит Европейская региональная хартия 1965 г. В 2000 г. на Саммите в Лиссабоне в качестве одной из стратегических целей ЕС избрал формирование конкурентоспособной и динамичной экономики [77], благодаря чему в странах ЕС были разработаны национальные программы кластеризации. Позднее в 2007 г. в Брюсселе был утвержден Манифест кластеризации Европы, а в 2008 г. в Стокгольме – Европейский кластерный меморандум. Меморандум стал, по сути, новым способом решения проблемы налаживания связей между региональным, национальным и европейским уровнями кластерной политики. Главной его задачей стало формирование общей политической основы для реализации кластерных усилий в Европе [78].

Для реализации данных программных документов на национальном и наднациональном уровнях созданы организации, оказывающие при финансовой поддержке Генерального директората по предпринимательству и промышленности Европейской комиссии (ЕС – DG Enterprise and Industry of the European Commission) консультационную, информационную, маркетинговую и образовательную поддержку. В частности к ним можно

отнести: Europe INNOVA [79], Европейский кластерный альянс, Европейская кластерная обсерватория [80] и др. Кроме того, был запущен ряд инициатив, таких как: Европейская кластерная панорама, Европейская карта кластеров и услуг, Европейская инициатива по повышению качества кластеров (ECEI), Европейская платформа сотрудничества кластеров (ECCP), Европейские стратегические кластерные партнерства (ESCPs), Транснациональный кластерный альянс в целях поддержки усиления кооперации (TACTICS) и т.п. [81].

На сегодняшний момент кластерная политика в странах ЕС осуществляется на трех уровнях: региональных подсистем и местных органов власти; национальном и наднациональном. На первом уровне в основном большее внимание уделяется развитию конкретных регионов [82 с.42]. При этом в Австрии, Дании и Испании большее значение предается реализации кластерной политики именно на региональном, а не на национальном уровне. Большинство стран кластерная политика на национальном уровне разрабатывается, начиная с 2000 г. При этом 2/3 государств ЕС приняли официальные документы (программы, концепции и т.п.), в которых кластерный подход является частью инновационной политики [83, с. 10-30]. В национальных кластерных программах, как правило, используются инструменты разных типов: 1) привлечение участников, 2) коллективные услуги и 3) широкомасштабные совместные исследования и разработки [84, с. 14]. На данном уровне в основном действуют агентства, организованные при различных министерствах. Ответственность за реализацию кластерной программы в конкретных государствах может нести не одно, а сразу несколько министерств. Чаще всего это министерства промышленности, финансов или экономики [85, с. 12]. На наднациональном уровне – уровне ЕС кластерная политика реализуется по следующим направлениям: поддержка региональных и национальных программ, посредством дальнейшего устранения барьеров для торговли, инвестиций и миграции в пределах Европы; развитие

стратегического подхода к кластерной политике в ЕС; осуществление научно-исследовательских программ; стимулирование транснационального сотрудничества между кластерами и создание транснациональных кластеров и транснациональных сетей кластеров [86 с, 22-23].

На уровне ЕС кластерную политику реализует Европейская комиссия через Европейскую обсерваторию по кластерам и промышленным изменениям (EOCIC), запуская различные кластерные инициативы по развитию кластеров и утверждая межгосударственные программы финансирования кластеров (инновационных). За непосредственную реализацию кластерных инициатив отвечают три Генеральных директората Европейской комиссии: по внутреннему рынку, промышленности, предпринимательству, по региональной и городской политике, а также исследований и инноваций. Финансирование таких инициатив осуществляется в рамках программ ЕС, в основном Программы ЕС по конкурентоспособности малых и средних предприятий (COSME – the EU programme for the Competitiveness of Enterprises and SMEs) и Горизонт-2020.

Продвижение идей кластеризации экономики в различных сферах на уровне ЕС значительно упрощает кооперацию производств, интеграцию бизнес-процессов. При этом заранее не ставится во главу угла задача централизовать усиление такой кооперации. Описанный механизм создает благоприятные условия для выхода на новые рынки посредством поиска новых партнеров, для обмена знаниями и опытом и реализации совместных идей. Это обеспечивается и за счет обеспечения равного доступа к информации, увеличения инвестиций, снятия различных барьеров, инновационного развития через связь бизнеса с научно-исследовательскими институтами и т.д.

В сфере энергетики в ЕС действует более 51 кластера. При этом наметилась тенденция к более активному развитию кластерного подхода в сфере энергоэффективности и возобновляемых источников энергии. Создание региональных кластеров зеленой энергии может способствовать

критической массе, необходимой для действий по снижению этих барьеров для более широкого использования возобновляемых источников энергии. В частности, в рамках проекта «Кластер зеленой энергии» было создано 4 новых региональных кластера зеленой энергии в сотрудничестве с существующим кластером EcoEnergy в Верхней Австрии в секторе солнечной тепловой энергии и биомассы [87].

На фоне широкого развития кластеров на национальном уровне, в программе ЕС Европа-2020 одной из приоритетных целей ставится усиление транснационального сотрудничества в области кластерного развития экономики. Тем не менее понятие «транснациональный кластер» в нормативных документах ЕС не определяется. В литературе кластеры на международном уровне классифицируются на: трансграничные (участники локализируются на приграничных территории двух или более государств) и транснациональные (участники находятся в двух или более государствах, располагаясь на не граничащих друг с другом регионах) [88, с. 54; 31, с. 10]. В ЕС накоплен опыт создания подобных кластеров и на сегодняшний момент их действует более 9, например, Baltic Biomaterial Cluster, Oslo Cancer Cluster, AluCluster, Bothnian arc и др.

Обобщение опыта реализации кластерной политики на трех уровнях в ЕС можно прийти к выводу, что подобный сценарий возможен и в рамках кластеризации энергетического рынка ЕАЭС. Так, роль модератора кластерной политики в данной области на наднациональном уровне вполне может осуществлять Евразийская экономическая комиссия. Ее главной задачей должно стать продвижение согласованной и скоординированной кластерной политики на региональном и национальном уровнях в странах-участницах ЕАЭС. Кроме того, она должна обеспечить создание необходимых площадок (на подобие Европейского кластерного альянса) на которых потенциальные участники кластеров могли бы успешно взаимодействовать друг с другом. Необходимо будет выработать критерии к оценке наиболее перспективных кластерных проектов, условия, порядок и

объем их финансирования. Это потребует разработки определенных международных соглашений.

В экспертных кругах отмечается, что стратегической необходимостью стран-участниц ЕАЭС является развитие инновационного потенциала для того, чтобы снизить уровень сырьевой зависимости экспорта, риски при формировании общего рынка энергоносителей, усилить интеграцию в данной сфере.

Таким образом, одной из актуальных задач развития ЕАЭС в целом и ее энергетического рынка является создание трансграничных и транснациональных кластеров.

Для ее решения целесообразно обратиться к изучению и заимствованию опыта ЕС, демонстрирующего эффективную наднациональную систему мер, направленных на стимулирование кластеров в различных сферах. Для преодоления существующих в рамках ЕАЭС барьеров на пути создания кластеров на общем рынке энергоресурсов потребуется:

вести дальнейшую работу по гармонизации условий осуществления хозяйственной деятельности;

выработать скоординированную, согласованную кластерную политику как на национальном, так и на наднациональном уровнях;

разработать нормативно-правовую базу, регламентирующую создание и деятельность кластеров в экономике;

согласовать международные программы, направленные на финансирование наиболее перспективных кластерных проектов на основе государственно-частного партнерства;

стимулировать интернализацию национальных кластеров за счет перманентного роста их международного сотрудничества, обмена технологиями, знаниями и т.п.

Кластерный подход к организации общего рынка энергоресурсов позволит получить необходимый синергетический эффект, обуславливающий повышение как конкурентоспособности государств-

участников ЕАЭС, так и конкурентоспособности ЕАЭС в целом на мировом рынке, стимулировать их переход на инновационный путь развития за счет создания новых товаров и технологий, и как следствие ресурсозависимость национальных экономик от экспорта энергоносителей.

3.4 Юридическое лицо как субъект экологических отношений

Быстротечное развитие экономики в современном мире порождает многочисленные барьеры рационального соотношения экономических и экологических интересов, ставя под угрозу обеспечение благоприятной окружающей среды. Особый интерес с позиций науки экологического права на фоне всех изменений вызывает правовое положение юридических лиц. Интерес именно к данному субъекту не является случайным, ведь юридические лица наносят наибольший экологический вред в процессе осуществления ими хозяйственной деятельности.

В системе субъектов в области охраны окружающей среды юридическое лицо является, с одной стороны, основным природопользователем, исходя из масштабов используемых им природных ресурсов, с другой, - постоянным и крупномасштабным источником загрязнения окружающей среды. Проблемы правового положения юридических лиц в экологических отношениях исследовались рядом российских ученых М.М.Бринчуком [89], М.И.Васильевой [90], О.И.Саморуковой [91], применительно к содержанию экологических отношений такими белорусскими исследователями, как С.А.Балашенко [92], Т.И. Макаровой [93], Н.А.Карпович [94]. При этом особенности эколого-правового положения юридических лиц, ведущих сельскохозяйственную деятельность в научной литературе исследовались в аспекте экологизации земельного и аграрного законодательства. Среди таких трудов следует отметить работу Т.И.Макаровой, О.А. Хотько «Экологизация земельного законодательства: состояние и проблемы совершенствования» [95, с. 123-125]. Авторы акцентируют внимание на недостаточном развитии правовых норм, об охране земель, что вызывает противоречия в осуществлении законных интересов участников земельных отношений, указывают на необходимость включения положений об охране окружающей среды в законодательство, регулирующее хозяйственную деятельность. Таким

образом, данный субъект вызывает интерес для дальнейшего изучения его положения в экологических правоотношениях.

Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 года «Об охране окружающей среды» в редакции Закона от 17 июня 2002 года (далее – Закон «Об охране окружающей среды») в области охраны окружающей среды выделяет следующих субъектов: Президент Республики Беларусь, Совет Министров Республики Беларусь, специально уполномоченные республиканские органы государственного управления в области охраны окружающей среды, местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы, а также иные государственные органы, органы территориального общественного самоуправления в пределах их компетенции, общественные объединения, иные юридические лица Республики Беларусь, а также граждане Республики Беларусь, в том числе индивидуальные предприниматели. Ч. 3 статьи 6 Закона об охране окружающей среды также называет субъектов: иностранные граждане, лиц без гражданства, иностранные и международные юридические лица (организации, не являющиеся юридическими лицами), иностранные государства, если иное не определено Конституцией Республики Беларусь и международными договорами Республики Беларусь [96]. Закон «Об охране окружающей среды» выделяет юридическое лицо в качестве субъекта экологических отношений и наделяет комплексом прав и обязанностей, которые выступают средством реализации нормативных предписаний, являясь центральным звеном эколого-правового положения данного вида субъектов природоохранных отношений [90, с. 4].

В белорусской юридической литературе юридическое лицо, как субъект в области охраны окружающей среды не стал предметом комплексного научного исследования, что существенно затрудняет определение его эколого-правового положения. Комплексному исследованию правового статуса граждан как участников экологических правоотношений уделено большое внимание. В частности, Т.И. Макарова

исследовала эколого-правовой статус граждан Республики Беларусь. Исследование посвящено проблемам правового положения человека во взаимодействии с окружающей средой, определению объема прав и обязанностей граждан в области охраны окружающей среды [93, с.27]. Таким образом, целесообразным является рассмотрение такого субъекта экологических отношений как юридическое лицо.

Центральным элементом юридического лица как субъекта экологических отношений являются его права и обязанности. Анализ экологического законодательства позволяет сделать вывод об отсутствии норм, специально посвященных правам юридических лиц как субъектов экологического права. В данном случае следует согласиться с М.И. Васильевой, которая указывает, что ведение своей хозяйственной и иной деятельности является основным и практически единственным правом субъекта хозяйствования, которое связано достаточно жесткими условиями, ограничениями и запретами [90, с.11-12]. Причем объем этих прав и обязанностей, включая те, которые являются природоохранными, составляет преимущественно содержание законодательства, регулирующего ведение хозяйственной деятельности, например Закон Республики Беларусь от 9 января 2002г. «О магистральном трубопроводном транспорте» устанавливает проведение оценки воздействия на окружающую среду планируемой деятельности при создании магистральных трубопроводов [97]. В то же время мы обращаем внимание на положения главы 3 Закона «Об охране окружающей среды», устанавливающей «Права и обязанности граждан, юридических лиц и общественных экологов в области охраны окружающей среды. Общественные обсуждения проектов экологически значимых решений, отчетов об оценке воздействия на окружающую среду, экологических докладов по стратегической экологической оценке». Закон «Об охране окружающей среды» не содержит отдельной статьи, посвященной правам и обязанностям юридических лиц, ведущих хозяйственную деятельность, которая оказывает воздействие на

окружающую среду. При этом статья 15 данной главы Закона «Права и обязанности общественных объединений, осуществляющих деятельность в области охраны окружающей среды, иных юридических лиц» содержит права и обязанности общественных объединений и «иных юридических лиц», к которым закон относит следующие права: участвовать в разработке проектов государственных и иных программ рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды, региональных комплексов мероприятий и способствовать их реализации; за счет собственных и привлеченных средств осуществлять мероприятия по воспроизводству природных ресурсов и обеспечению экологической безопасности; вносить в государственные органы и направлять должностным лицам предложения по вопросам охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов и др. К обязанностям относится соблюдение требований в области охраны окружающей среды и др.

Учитывая тот факт, что наибольший вред окружающей среде наносит именно хозяйственная деятельность, видится целесообразным рассматривать в данной главе «юридических лиц, осуществляющих хозяйственную деятельность», а не «иных юридических лиц», детализируя их права и обязанности в отдельной статье рассматриваемого Закона.

Неоднократно указывалось, что наибольший вред окружающей среде наносит хозяйственная и иная деятельность, для ее осуществления законодательство устанавливает требования экологической безопасности. Согласно ст.1 Закона «Об охране окружающей среды» под экологическими требованиями понимаются предъявляемые к хозяйственной и иной деятельности обязательные условия, ограничения, установленные нормативными правовыми актами, в том числе техническими нормативными правовыми актами, нормативами в области охраны окружающей среды. По основным направлениям хозяйственной деятельности Закон «Об охране окружающей среды» содержит требования, предъявляемые к: архитектурной,

градостроительной и иной деятельности; эксплуатации объектов энергетики; сельскохозяйственной деятельности; мелиорации; добыче, переработке, транспортировке нефти и газа; производству опасных химических веществ и обращению с ними; обращению с источниками радиоактивного излучения; деятельности, оказывающей вредное биологическое воздействие; к обращению с отходами. Так, при осуществлении мелиорации земель, размещении, проектировании, строительстве, реконструкции, вводе в эксплуатацию и эксплуатации мелиоративных систем и отдельно расположенных гидротехнических сооружений юридические лица должны принимать меры по обеспечению водохозяйственного баланса и экономному использованию вод. Ст. 44 Закона «Об охране окружающей среды» указывает, что юридические лица при проектировании, производстве, эксплуатации мобильных источников обязаны разрабатывать и осуществлять меры по снижению токсичности, дымности отработанных газов, очистке или обезвреживанию выбросов и сбросов загрязняющих веществ в окружающую среду [96].

Обязанности юридических лиц, как субъектов экологических отношений устанавливаются прямо или логически вытекают из содержания требований в области охраны окружающей среды. Так, юридические лица обязаны соблюдать правила производства, хранения, транспортировки, применения, захоронения радиоактивных веществ (источников ионизирующих излучений), не допускать превышения нормативов предельно допустимого уровня радиационного воздействия, а в случае их превышения немедленно информировать специально уполномоченные республиканские органы государственного управления, местные исполнительные и распорядительные органы о повышенных уровнях радиации, опасных для окружающей среды и здоровья граждан, принимать меры по ликвидации очагов радиационного загрязнения (ст.47). Юридические лица обязаны выполнять правила производства, хранения, транспортировки и применения химических веществ, используемых в сельском и лесном хозяйстве (ст. 48). Юридические

лица, осуществляющие деятельность, связанную с возможностью вредного воздействия микроорганизмов на окружающую среду, обязаны обеспечивать экологически безопасное производство, транспортировку, использование, хранение, размещение и обезвреживание микроорганизмов, разрабатывать и осуществлять мероприятия по предотвращению аварий и катастроф, предупреждению и ликвидации последствий вредного воздействия микроорганизмов на окружающую среду (ст.49) [96].

Следует отметить, что экологические обязанности, возлагаемые на юридических лиц, также детализируются в специальном законодательстве. Например, порядок обращения с отходами установлен Законом Республики Беларусь «Об обращении с отходами». Соответственно, юридические лица, осуществляющие обращение с отходами, обязаны обеспечивать обезвреживание и (или) использование отходов либо их перевозку на объекты обезвреживания отходов и (или) на объекты по использованию отходов, а также их хранение в санкционированных местах хранения отходов или захоронение в санкционированных местах захоронения отходов [98].

Анализ экологических прав и обязанностей юридических лиц демонстрирует большой удельный вес их обязанностей в сравнении с правами. Это связано в первую очередь с тем, что хозяйственная и иная деятельность причиняет вред окружающей среде, поэтому государство возлагает на них соответствующие обязанности для уменьшения вредного воздействия. Таким образом, соблюдение требований в области охраны окружающей среды юридическими лицами является одним из обязательств, которое позволяет осуществлять хозяйственную деятельность на законных основаниях.

Проводя исследование эколого-правового положения юридического лица, нельзя не сказать о гарантиях его экологических прав. Статья 18 Закона об охране окружающей среды в целях государственного регулирования воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду в качестве гарантий устанавливает нормирование в области охраны

окружающей среды. Нормирование в области охраны окружающей среды заключается в установлении нормативов качества окружающей среды, нормативов допустимого воздействия на окружающую среду, лимитов на природопользование, а также иных нормативов в области охраны окружающей среды [96]. Такого рода гарантии обеспечивают регулятивную функцию, так как устанавливают пределы воздействия на окружающую среду.

Одной из важнейших гарантий экологических прав юридических лиц является гарантия на доступ к природным ресурсам. Природоресурсное законодательство трактует доступ к природным ресурсам как юридическую гарантию прав специальных природопользователей осуществлять разрешенные виды пользования. Таким образом, в условиях ограниченности природных ресурсов, вовлечении их в экономический оборот доступ к природным ресурсам необходимо рассматривать как основную гарантию экологических прав юридических лиц, осуществляющих хозяйственную деятельность. [99 , с. 327].

При наличии гарантий экологических прав следует обратить внимание на то, что «исполнение обязанностей служит очевидной гарантией соблюдения прав лиц, в интересах которых обязанности выполняются» [100, с.127]. Действительно, юридическое лицо, добросовестно исполняющее свои обязанности, гарантирует реализацию своих экологических прав. Делая вывод о правах, обязанностях и гарантиях юридических лиц, осуществляющих хозяйственную деятельность, следует отметить, что все эти элементы взаимосвязаны друг с другом. Исключение одного из них влечет нецелесообразность рассмотрения эколого-правового положения юридического лица.

Для определения правового положения юридического лица как субъекта экологических отношений следует рассмотреть его правосубъектность. Согласно ч.1 ст. 45 Гражданского кодекса юридическое лицо может иметь гражданские права, соответствующие целям деятельности,

предусмотренным в его учредительных документах, а также предмет деятельности и нести связанные с этой деятельностью обязанности [101]. Исходя из содержания учредительных документов юридического лица, его деятельность может иметь экологически значимый характер, например производство, реализация, сельскохозяйственной продукции, заготовка древесины, ведение охотничьего хозяйства и др. Такой объем правосубъектности определяется как специальный экологический. Экологическая правосубъектность проявляется в связи с выполнением юридическим лицом экологически значимых видов деятельности как одной из задач его образования.

Важной особенностью экологической правосубъектности юридических лиц, осуществляющих хозяйственную деятельность является то, что для возникновения прав и обязанностей недостаточно факта государственной регистрации, а необходимо реальное воздействие рассматриваемого субъекта на окружающую среду путем использования природных объектов и ресурсов, в процессе или в результате такой деятельности, изменяющей состояние окружающей среды, оказывающее негативное воздействие на нее [91, с. 8]. На наш взгляд, О.И. Саморукова выделила весьма важный признак экологической правосубъектности юридических лиц, так как в данном случае нас интересует экологически значимый результат хозяйственной деятельности и его отражение на состоянии окружающей среды. При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что не только (и не столько) наличие экологической правосубъектности создает особое эколого-правовое положение юридического лица, но также и любое вредное воздействие на окружающую среду как последствие ведения хозяйственной деятельности, на что указывает вся глава 6 Закона «Об охране окружающей среды», устанавливающая экологические требования в отношении практически всех видов экономической деятельности.

Таким образом, объем правомочий юридических лиц, ведущих экономическую деятельность, которая оказывает вредное воздействие на

окружающую среду, подлежит закреплению самостоятельной статьей Закона «Об охране окружающей среды». Совокупность норм, содержащихся в гражданском, хозяйственном, природоресурсном и экологическом законодательстве, закрепляющих правовое положение юридических лиц, осуществляющих хозяйственную деятельность, может рассматриваться как комплексный институт экологического права, который на данном этапе не стал предметом правового исследования в науке экологического права. Комплексность данного института подтверждается сочетанием различных элементов входящих в его состав, каждый из которых обладает специфическими признаками, присущими хозяйственной деятельности. Необходимость изучения положения данных лиц обусловлена в первую очередь тем, чтобы найти баланс соотношения их экологических прав и обязанностей в процессе осуществления хозяйственной деятельности. Это будет являться гарантией реализации принципа обоснованного сочетания экологических и экономических интересов общества в целях обеспечения благоприятной окружающей среды граждан.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования, выполненные по теме «Правовое регулирование энергоснабжения и энергосбережения в Республике Беларусь и в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» осуществлялись в рамках реализации комплекса научных исследований по научному направлению кафедры гражданского права УО «Полоцкий государственный университет». В Республике Беларусь впервые проведено комплексное теоретико-правовое исследование в области энергетического права.

Проведены комплексные теоретико-правовые исследования правоотношений реализуемых в сфере производства, передачи и потребления различных видов энергетических ресурсов, в том числе нефти, нефтепродуктов и природного газа. Отдельное внимание уделено исследованию правоотношений в сфере энергоснабжения и энергосбережения. Применительно к потребностям интеграционного взаимодействия в сфере энергетике в рамках Евразийского экономического союза создана теоретико-правовая основа Энергетического права ЕАЭС.

Проведенные исследования дополняют доктрину международного экономического права новыми положениями и выводами, которые по своему содержанию и характеру дополняют уже существующую теорию международного экономического права, создавая теоретическую основу структурирования норм международного права в отдельную отрасль энергетического права. Результаты проведенных исследований позволяют уточнить правовую характеристику традиционных институтов международного экономического права, а также анонсировать проблематику этих институтов.

Наряду с проблемами теории гражданского и международного права и отдельными правовыми институтами рассматривались теории правового интегрирования и теории заимствования иностранного правового опыта применительно к основной теме исследования.

Работа носит характер прикладного научного исследования и направлена на решение задач более эффективного правового регулирования отношений в сфере энергетики в рамках региональных экономических сообществ, обеспечения коммерческих организаций и иных потребителей различными видами энергетических ресурсов, а также совершенствования практики международно-правовых отношений в сфере энергетики.

Результаты научно-исследовательской работы:

1. Осуществлена доктринальная классификация и правовая характеристика правоотношений реализуемых в сфере энергетики в рамках Евразийского экономического союза.

2. Разработаны методологические основы сравнительного правоведения в сфере энергетического права.

3. Разработаны и обоснованы теоретические основы типизации норм международных соглашений в сфере энергетики, в том числе в рамках Евразийского экономического союза.

4. Определены формы интеграционного взаимодействия в сфере энергетики в рамках Евразийского экономического союза.

5. Разработаны основные начала (принципы) законодательства Республики Беларусь об энергетике.

Результаты исследований апробированы в научных статьях, докладах республиканских и международных научно-практических конференций, использованы в студенческой научной работе и в учебном процессе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шонасурдинов, Н. Правовое обеспечение экономии и рационального использования электрической и тепловой энергии: Автореферат дис...канд. юрид. наук / Н. Шонасурдинов // Свердловский юридический институт. – Свердловск, 1989. – 20 с.
2. Шафир А.М. Система хозяйственных договоров на снабжение электрической, тепловой энергией и газом: Автореф. дис. ... канд. юрид.наук: Д-146.02.01 / Всесоюзный ордена “Знак Почета” науч.-исслед. ин-т советского законодательства Министерства юстиции СССР.- Москва, 1982.- 17 с.
3. Романова, Е.Н. Система договорных связей в деятельности территориальных органов снабжения и сбыта: Автореферат дис...канд. юрид. наук / Е.Н. Романова // Всесоюзный юридический заочный институт. – Москва, 1976. – 24 с.
4. Советское гражданское право: учеб. для юрид. институтов и факультетов / в 2 т. / О.С. Иоффе [и др.]; отв.ред. О.С. Иоффе, [и др.]; Ленинград. ун-т – Ленинград, 1971. – Т. 2. – 520 с.
5. Советское гражданское право: учеб. / в 2 т. / Илларионова Т.И. [и др.]; под ред. О.А. Красавчикова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1985. – Т. 2. – 544 с.
6. Дудников С.И. Правовое регулирование трубопроводного транспорта СССР: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ростовский гос. ун-т. – Ростов-на-Дону, 1964. – 18 с.
7. Садиков Н. Правовое регулирование трубопроводного транспорта в СССР // Изв. высш.
8. учеб. заведений. Правоведение: Изд-во Ленинградского унта. – 1962. – № 2. – С. 138.
9. Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. Полутом 2: Введение и общая часть./ Пер. с 13-го немецкого издания проф.

- И.Б.Новицкого, канд. юрид. наук Г.Н.Поленской, В.А.Альтшулера. Под ред., с предисловием и замечаниями заслуженного деятеля наук, проф. Д.М. Генкина и проф. И.Б.Новицкого.- Москва: Изд-во Иностранной лит., 1950.- 483 с.
- 10.Кинней, Дж. Значение нефте- и газопроводов в промышленном развитии Западной Европы / Дж. Кинней // ГОСИТИ, 1961. – 13 с.
- 11.Блэкман, С. Нормативно-правовая база по приобретению прав на разработку нефти и газа в Канаде / С. Блэкман // «Нефть, Газ и Право». – 1999. - № 1(25). – С.38-41.
- 12.Лукас А.Р. Права собственности на нефть и газ в провинции Альберта // Нефть, Газ и Право - 1998.- №6 (24).- С.35-39.
- 13.Изучение правового режима международных газопроводов. Европейская экономическая комиссия, Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 1967. - 109 с.
- 14.Patricia Park, Duncan M. Energy Law and the Sustainable Company Park. By Routledge. - 2 Park Square, Milton Park, Abingdon, Oxon OX14 4RN. – 2016. – 19 p.
- 15.Pipe-lines Act, 1962. London: HMSO Reprinted.- 1995.- P.66.
- 16.Pipeline Act. Pipeline rules. - Office Consolidation. - Alberta Queen's Printer. 7th Floor, Park Plaza. 10611 - 98 Avenue. Edmonton, AB T5K 2P7. With amendments up to and including Alberta Regulation 4/2015.
- 17.Gbenga Oyebode, Kofo Doseku. Nigeria. Overview of Natural Gas Sector. The International Comparative Legal Guide to: Gas Regulation 2006. - Global Legal Group. – 9 p.
- 18.Gesetz über die Elektrizitäts- und Gasversorgung (Energiewirtschaftsgesetz - EnWG) Mode of access: https://www.gesetze-im-internet.de/enwg_2005/EnWG.pdf. - Date of access : 25.07.2017
- 19.Правовые основы развития зеленой экономики в странах-членах Организации черноморского экономического сотрудничества. Региональный обзор и диалог о системах и перспективах. Supported by

- Federal Ministry for the Environment, Nature Conservation and Nuclear Safety. Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (GIZ) GmbH. – 2012. – 135 p.
- 20.Толочко, О.Н. Правовое регулирование экономических отношений в свете мировых интеграционных процессов / О.Н. Толочко. – Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство: Мат. междуна. науч. конф. / Под ред. Н.В.Сильченко. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 540 с.
- 21.Богоненко, В.А. Правовые основания интеграционных процессов в сфере перемещения нефти и газа по магистральным трубопроводам (на примере стран постсоветского пространства) / В.А.Богоненко // Вестник Полоцкого государственного университета. - Серия D Экономические и юридические науки. - 2007. - № 4. – С. 156-160.
- Фридемман М. Энергетика и геостратегия в Каспийском регионе – участники, интересы, возможности конфликтов / М. Фридемман // Международная жизнь. – 1999. – № 4. – С. 43 – 127.
- 22.Богоненко, В.А. Технические нормы и правила в сфере деятельности магистральных газопроводов Беларуси / В.А.Богоненко // Безопасность и надежность трубопроводного транспорта: Сборник научных трудов. Выпуск 3 – Новополоцк: УО «ПГУ», 2003 – 224 с.: 40 ил.
- 23.Российский Речной Регистр. Правила (в 4-х томах). Т. 4. – Москва, 2008. – 317 с.
- 24.Богоненко, В.А. Правовые основы технического регулирования в сфере энергетики в рамках Евразийского экономического союза / В.А.Богоненко // Вестник Полоцкого государственного университета. - Серия D Экономические и юридические науки. - 2016. - № 14. – С. 159-163.
- 25.Международное право: Учебник. Отв. ред. Ю.М. Колосов, В.И. Кузнецов. – М.: Междунар. отношения, 1999. – 624 с.

- (Дипломатическая академия МИД РФ, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ).
26. Богоненко, В.А. Международные организации, осуществляющие деятельность в сфере энергетики как субъекты международного права / В.А.Богоненко // Вестник Полоцкого государственного университета. - Серия D Экономические и юридические науки. - 2015. - № 5. – С. 150-158.
27. Богоненко, В.А. Международно-правовые основы Энергетической Хартии / В.А.Богоненко // Вест. Полоцкого гос. ун-та. – 2014. - № 13. – С. 155-161.
28. Сулейменов, М.К., Папанасопуло Г.А., Холланд, У. Влияние Договора к Энергетической хартии на законодательство Казахстана / М.К.Сулейменов, Г.А.Папанасопуло, У.Холланд. - Частное право Республики Казахстан: история и современность. – Том 7. – Алматы. – 1997. – С. 183-184.
29. Язев, В. Международная Энергетическая Хартия – новый инструмент энергетической дипломатии? / В. Язев // Нефтегазовая вертикаль. – 2015. - № 8. – С. 15-19.
30. Богоненко, В.А. Интегрирование новых институтов в частном праве (на примере Российской Федерации и Республики Беларусь) / В.А.Богоненко // Журнал российского права. – 2004. - № 3. – С. 96-99.
31. Федеральный закон О защите конкуренции от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ (ред. От 05.10.2015 с изм. и доп. вступившими в силу 10.01.2016г.) [Электронный ресурс КонсультантПлюс: интернет-версия – 2016. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/baabe5b69a3c031bfb8d485891bf8077d6809a94/ - Дата доступа: 29.03.2016.
32. Германн, Х. Принцип транспарентности в Европейском частном праве / Х. Германн. – // Сборник докладов на семинаре, проведенном

- в рамках Темпус-проекта в г. Минске 28 августа – 3 сентября 2000 г. – Минск, 2000. – С. 388-407.
33. Богоненко, В.А. Правовые основы регулирования отношений в нефтегазовой сфере Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ / В.А. Богоненко // Антимонопольная деятельность евразийского экономического союза. – Евразийская экономическая комиссия. – 2015. – № 5. – С. 46-50.
34. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : [подписан в г. Астане 29.05.2014 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/. – Дата доступа: 28.07.2016
35. Шпакович, Н. О. Наднациональность в праве международных организаций / Н. О. Шпакович // Вестник международных организаций. – 2012 г. – Т. 7, № 2. – С. 133-143.
36. Нешатаева, Т. Н. Интеграция и наднационализм / Т. Н. Нешатаева // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. – 2014 г. – Выпуск 2 (24). – С. 243-248.
37. Буторина, О. В., Захаров, А. В. О научной основе Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] / О. В. Буторина, А. В. Захаров // Евразийская экономическая интеграция. – 2015 г. – № 2 (27). – Режим доступа: http://www.eabr.org/general/upload/СII%20-%20izdania/2015/ЕИИ-2-2015/eei_2_2015_butorina_etc.pdf. – Дата доступа: 21.07.2016.
38. Мысливский, П. П. Признаки определения понятия «наднациональная международная организация» / П. П. Мысливский // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015 г. – № 6-1. – С. 364-367.

- 39.Мысливский, П. П. Соотношение компетенции Евразийского экономического союза с государственным суверенитетом / П. П. Мысливский // Теория и практика общественного развития. – 2015 г. – № 11 – С. 126-128.
- 40.Сарсенова, С. Н. Некоторые международно-правовые аспекты правового статуса Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] / С. Н. Сарсенова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015 г. – № 7-2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-mezhdunarodno-pravovye-aspekty-pravovogo-statusa-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza>. – Дата доступа: 19.07.2016.
- 41.Моисеев, А. А. К вопросу о надгосударственности Евразийского экономического союза / А. А. Моисеев // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. / Издательство Томского университета. – Томск, 2015. – С. 100-103.
- 42.Международное право: Учебник. Отв. ред. Ю.М. Колосов, В.И. Кузнецов. – М.: Международные отношения, 1999. -
- 43.См. Земельный кодекс Швеции (Ханс Маттссон).
- 44.Международное право: Учебник. Отв. ред. Ю.М. Колосов, В.И.Кузнецов. – М.: Междунар. отношения, 1999. – 624 с. (Дипломатическая академия МИД РФ, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ).
- 45.Богоненко, В.А. Правовое регулирование доставки нефти и нефтепродуктов трубопроводным транспортом / В.А.Богоненко. - Новополюцк: ПГУ, 2002. – 112 с.
- 46.Богоненко, В.А. Правовые основы регулирования отношений в нефтегазовой сфере Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ / В.А. Богоненко // Антимонопольная деятельность евразийского

- экономического союза. – Евразийская экономическая комиссия. – 2015. – № 5. – С. 46-50.
47. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : [заключено в г. Астана 29.05.2014 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
48. Исполинов, А. С. Суд ЕАЭС: первые решения, первые вопросы [Электронный ресурс] / А. С. Исполинов // *Zakon.ru*. – Режим доступа:
https://zakon.ru/blog/2015/5/21/sud_eaes_pervye_resheniya_pervye_voprosy. – Дата доступа: 07.07.2016.
49. Нешатаева, Т. Н. Интеграция и наднационализм / Т. Н. Нешатаева // *Вестн. Пермс. ун-та. Юрид. науки*. – 2014. – № 2(24). – С. 243–248. С. 245.
50. Исполинов, А. С. Евразийское правосудие: от Суда Сообщества к Суду Союза / А. С. Исполинов // *Государство и право*. – 2015. – № 1. – С. 80–88.
51. Малько, А. В. Судебная система Евразийского экономического союза: проблемы формирования / А.В. Малько, В.В. Елистратова // *Вопросы российского и международного права*. – 2016. – № 1. – С. 99–112.
52. Green, C. An intellectual history of judicial activism / C. Green // *Emory Law Journal*. – 2009. – Vol. 58, P. 1195–1264.
53. Соколова, Н. А. Евразийская интеграция: возможности Суда Союза / Н. А. Соколова // *Lex Russia*. – 2015. – № 11. – С. 96–103.
54. Исполинов, А. С. Требуются прагматики: Конституционный Суд России и евразийский правопорядок / А. С. Исполинов // *Сравнительное конституционное обозрение*. – 2014. – № 5. – С. 16–18.

55. Четвериков, А. О. Гарантии независимости органов правосудия интеграционных объединений современных государств: сравнительно-правовой аспект / А. О. Четвериков // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 5(54). – С. 161–166.
56. Нешатаева, Т. Н. Человеческий фактор евразийского правосудия [Электронный ресурс] / Т. Н. Нешатаева // Евразийский юридический журнал. – Режим доступа: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=5483&Itemid=701. – Дата доступа: 05.07.2016.
57. Бирюков, М. М. Европейское право: до и после Лиссабонского договора / М. М. Бирюков. – М. : Статут, 2013. – 240 с.
58. Ворожбит, О.Ю. Проблемные аспекты определения термина «кластер» в законодательстве Российской Федерации / О.Ю. Ворожбит, Н.Ю. Титова, Т.А. Полещук, В.Е. Зиглина // АНИ: экономика и управление. - 2016. - Т. 5., № 4(17). – С. 96-99.
59. Михеева, И.В. Кластерные стратегии в развитии экономики регионов: правовые аспекты / И.В. Михеева, А.С. Логинова // Актуальные проблемы экономики и права. - 2016. - Т. 10, № 3. – С. 151-160.
60. Скворцова, Т. А. Кластер как особая организационная форма объединений в сфере предпринимательства / Т. А. Скворцова Е. А. Паршина // Вестник Ростовского государственного экономического университета. – 2015. - № 4. – С. 96-102.
61. О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2016 - 2020 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 31 янв. 2017 г., № 31 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 13.06.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
62. Об утверждении Концепции формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь и мероприятий по ее реализации [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров

- Респ. Беларусь, 16 янв. 2014 г., № 27 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
63. Портер, М. Конкуренция : пер. с англ. / М. Портер. – М: Вильямс, 2005. – 608 с.
64. Лебедева, А.К. Необходимость формирования кластерной политики в рамках Евразийского экономического союза / А.К. Лебедева // Мировая экономика. – 2017. – № 4. – С. 104-107.
65. Кулакова, Л.И. Кластерный подход – основа эффективного развития регионов / Л.И. Кулакова // Российское предпринимательство. - 2013. - № 22. – С. 121-130.
66. Романов, И. Что мешает развитию энергобезопасности ЕАЭС? [Электронный ресурс] / И. Романов // 365 Info. – Режим доступа : <https://365info.kz/2018/11/chto-meshaet-razvitiyu-energobezopasnosti-eaes/>. – Дата доступа: 01.12.2018.
67. Матвеев, И.Е. Энергетика стран ЕАЭС: цели, задачи, ключевые направления развития и проекты [Электронный ресурс] / И.Е. Матвеев // Матвеев Игорь Евгеньевич. – Режим доступа : <http://matveev-igor.ru/articles/390331>. – Дата доступа : 01.12.2018.
68. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : [совершено в г. Астане 29.05.2014 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
69. О Концепции формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : решение Высш. Евразийского экон. совета, 8 мая 2015 г., № 12 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
70. О Концепции формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : решение

- Высш. Евразийского экон. совета, 31 мая 2016 г., № 8 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
- 71.О Концепции формирования общего рынка газа Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : решение Высш. Евразийского экон. совета, 31 мая 2016 г., № 7 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
- 72.О формировании общих рынков нефти и нефтепродуктов Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : решение Высш. Евразийского экон. совета, 6 дек. 2018 г., № 23 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
- 73.О формировании общего рынка газа Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : решение Высш. Евразийского экон. совета, 6 дек. 2018 г., № 18 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
- 74.Заворотный, Д.С. О кластерной кооперации – как основном инструменте стимулирования инновационного развития промышленности в ЕС [Электронный ресурс] : (аналитическая справка) / Д.С. Заворотный // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа : http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssets/%D0%9E%20%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B9%20%D0%BA%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8.pdf. – Дата доступа: 01.12.2018.
- 75.Бондаренко, В.А. О ключевых характеристиках кластера и соотношении понятия «кластер» в зарубежной и отечественной литературе / В.А.

- Бондаренко // Инфраструктурные отрасли экономики: проблемы и перспективы развития. – 2015. - № 8. – С. 29-33.
- 76.Винокуров, Е. Евразийский экономический союз без эмоций / Е. Винокуров // Вопросы экономики. – 2016. - № 12. – С. 43-60.
- 77.Presidency conclusions [Electronic resource] : [Lisbon European Council 23 and 24 march 2000] // European Parliament. - Mode of access: http://www.europarl.europa.eu/summits/lis1_en.htm. – Date of access: 05.12.2018.
- 78.The European cluster memorandum [Electronic resource] : [Promoting European Innovation through Clusters: An Agenda for Policy Action]. – Mode of access : www.proinno.net/upload/documents/european_cluster_memorandum_final1.pdf. – Date of access: 05.12.2018.
79. Europe INNOVA [Electronic resource] : European Innovation Platforms // European Commission. – Mode of access : http://ec.europa.eu/growth/content/europe-innova-european-innovation-platforms_en. – Date of access: 05.12.2018.
- 80.European Cluster Observatory [Electronic resource] // European Commission. – Mode of access : https://ec.europa.eu/growth/industry/policy/cluster/observatory_en. – Date of access: 05.12.2018.
- 81.EU Cluster Portal [Electronic resource] // European Commission. – Mode of access : https://ec.europa.eu/growth/industry/policy/cluster_en. – Date of access: 05.12.2018.
- 82.Слонимский, А.А. Региональные кластеры: европейский опыт и белорусские возможности для инновационного развития / А.А. Слонимский, М.А. Слонимская // Экономический вестник университета. Сборник научных трудов ученых и аспирантов.– Вып. 22/1. – 2014. – С. 40-47.

- 83.Cluster policy in Europe [Electronic resource] : [A brief summary of cluster policies in 31 European countries: Europe Innova Cluster Mapping Project] / Oxford Research. – Oxford: Oxford Research AS, 2008. – Mode of access : <https://cluster.hse.ru/mirror/pubs/share/212163952>. – Date of access: 05.12.2018.
- 84.Competitive Regional Clusters [Electronic resource] : national policy approaches / Organisation for economic co-operation and development. – Paris: OECD, 2007. – Mode of access : https://artnet.unescap.org/tid/artnet/mtg/gmscb_regionalclusters.pdf. – Date of access: 05.12.2018.
- 85.Innovation clusters in Europe. A statistical analysis and overview of current policy support [Electronic resource] : (DG Enterprise and Industry report) : [Europe Innova / PRO INNO Europe paper №° 5] / DG Enterprise and Industry; DG Research and DG Regional Policy; PRO INNO Europe initiative; a High Level Advisory Group on clusters. - Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2007. - Mode of access : http://ibr.hi.is/sites/ibr.hi.is/files/Innovation_Clusters_in_Europe.pdf. – Date of access: 05.12.2018.
- 86.Green Energy Clusters [Electronic resource] / KanEnergi Sweden AB. - 2007. - Mode of access : <http://cluergal.org/media/zinnia/files/greenenergyclusterbookletfinal.pdf>. - Date of access: 05.12.2018.
- 87.Михайлов, А.С. Формирование международных кластеров в балтийском регионе / А.С. Михайлов // Балтийский регион. – 2013. - № 1. – С. 53-56.
- 88.Рутко, Д.Ф. Кластеры в Европейском союзе: механизм формирования и тенденции развития : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.14 / Д.Ф. Рутко ; Белорус. госуд. экон. ун-т. - Минск, 2015. - 29 с.

- 89.Бринчук М.М. Экологическое право : учеб. / М.М.Бринчук – М.: МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2011. – 624 с.
- 90.Васильева, М.И. Субъекты экологических правоотношений / М.И. Васильева // Вестн. Московского университета им. М.В. Ломоносова. – 2009. - № 5. – С.3 – 27.
- 91.Саморукова, О.И. Эколога-правовой статус предприятия : автореф.дис. ... кандид. Юрид. наук: 12.00.06 / О.И. Саморукова; Инстит. Госуд. и права Росс.акад. Наук. – М., 2009.
- 92.Балашенко, С.А. Государственное управление в области охраны окружающей среды / С.А. Балашенко. - Минск: БГУ, 2000. - 341 с.
- 93.Макарова,Т.И. Эколога-правовой статус граждан Республики Беларусь / Т.И. Макарова, Минск, 2004 г. - С. 230
- 94.Карпович, Н.А. Экологическая функция государства : в 2-х ч. Ч. 1 / Н.А. Карпович. – Минск: РИВШ, 2011. – 294 с.
- 95.Макарова, Т.И., [Хотько, О.А. Экологизация земельного законодательства: состояние и проблемы совершенствования](#) / Т.И. Макарова, О.А. Хотько // Современное право (РФ). – № 7.– С. 123–130.
- 96.Об охране окружающей среды: Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-ХІІ: в ред. Закона от 18 окт.2016 г. № 431-3 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
- 97.О магистральном трубопроводном транспорте: Закон Респ. Беларусь, 9 января 2002 г., №87-3(с изм. и доп.) // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
- 98.Об обращении с отходами: Закон Респ. Беларусь, 20 июля 2007 г., № 271-3 (с изм. и доп.) // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
- 99.Шингель, Н.А.Актуальные вопросы реализации права на доступ к природным ресурсам / Шингель Н.А. // сб. ст.междунар. науч.-практ.

конф., Новополоцк, 28-29 окт. 2016 г. / Полоц. Гос. ун-т,: редкол И.В.Вегера (отв. ред.). – ПГУ, 2016 – Т. 3. – 340

100. Макарова, Т.И. Обязанности граждан в области охраны окружающей среды как элемент эколого-правового статуса / Т.И. Макарова // Вестн. конституц. суда Респ. Беларусь. – 2007. - № 1. – С. 126-132.
101. Гражданский Кодекс Республики Беларусь: Кодексы Респ. Беларусь от 7 декабря 1998 г., с изм. и доп. от 28 августа 2012 г. // Эталон 6.0 – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.